

Архимандрит Августин (Никитин)

ОРДЕН БЕНЕДИКТИНЦЕВ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье повествуется о двух знаменитых монастырях, основанных прп. Венедиктом (Бенедиктом) Нурсийским: Субиако и Монтекассино. Пользуясь историческими документами и свидетельствами очевидцев, автор показывает историю этих монастырей с момента их основания до настоящего времени.

Ключевые слова: Субиако, бенедиктинцы, монашество, прп. Венедикт (Бенедикт) Нурсийский, римские папы, бенедиктинский устав, Норчия, монастырь Монтекассино, Кассиодор, Павел Диакон, аббат Дезидерий, византийское влияние в монастыре Монтекассино, Джованни Бокаччо.

1. Субиако — колыбель западного монашества

Благодатию Божиею обогатился еси, дела же известил еси звание: и явился еси, Венедикте, угодниче Христа Бога, в молитвах и постех, дарований Божия Духа исполнен: и был еси недужным исцелитель, и прогонитель врагом, и заступник скорый душам нашим.

Кондак прп. Венедикту, глас 6.

В 76-ти км к северо-востоку от Рима и в 3-х км от небольшого городка Субиако расположен старинный монастырь Субиако — колыбель западного монашества. Проезжая мимо Тиволи и приближаясь к Субиако, паломники из России испытывают такое ощущение, что эти названия и пейзажи им уже хорошо знакомы. И действительно, многие русские деятели культуры стремились посетить окрестности Рима и воспеть их в своих творениях.

Известный отечественный литератор П.В. Анненков вспоминал о своем путешествии в Субиако в 1841 г.: «Мы успели сделать целым обществом прогулку в Сабинских горах, побывать в Олевано и Субиако, где нашли толпу русских художников, изучающих все эти превосходные и оригинальные местности. Гоголь нам не сопутствовал, он оставался в Риме и потом весьма пенял на леньность, помешавшую ему присоединиться к странническому каравану. Особенно сожалел он, что лишился удобного случая видеть те бедные римские общины,

---

Архимандрит Августин (Никитин) — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии.

которые еще в средние века поселились на вершинах недоступных гор, одолеваемых с трудом по каменистой тропинке привычным итальянским ослом. Другого способа езды здесь нет. Многие живут там и доселе, связываясь с государством только посредством сборщика податей и местного аббата, их всеобщего духовника»¹.

Кисти знаменитого художника А.А. Иванова (1806–1858) принадлежит пейзаж под названием: «Подножие Виковары по дороге из Тиволи в Субиако» (Гос. Третьяк. Галерея, 1840-е гг.) Вот начальные строки стихотворения Вячеслава Иванова (1866–1949) «Субиако»:

Громады скал грозят со всех сторон;
В гробах теснин гремит поток кипучий.
Средь сих дубрав, о, Пан, стоял твой трон!
Твоя свирель будила дол могучий!²

Эта местность связана с именем прп. Венедикта Нурсийского (ок. 480 – ок. 547 г.), основоположника уставного монашества на Западе (в Римско-Католической Церкви — св. Бенедикт, в Православной Церкви — прп. Венедикт). В 494 г. он удалился из Рима в горы близ Субиако, чтобы в полном уединении предаться подвигу благочестивой жизни.

В начале XX в. поездка в Субиако уже не была такой трудной как ранее. Отечественный искусствовед Павел Павлович Муратов (1881–1950), посетивший Субиако и его окрестности перед Первой мировой войной, описывает путь, который он проделал из Рима до этого городка.

«На северо-востоке от Рима возвышаются Сабинские горы. Они состоят из многих хребтов, разделенных широкими долинами, и самая значительная из этих долин — долина реки Тевероне, или Аньене, образующей Тиволийские каскады. По долине Аньене Сабинские горы не кажутся такими суровыми, дикими и голыми, какими они представляются из Рима, особенно когда сравниваешь их с приветливыми и зелеными Монти Альбани. Здесь проложена железная дорога, которая ведет в Абруцци, и через несколько станций после Тиволи от нее ответвляется короткая линия, оканчивающаяся в Субиако.

Троицын день застал нас в этом старинном церковном городе. Одна за другой по его улицам двигались процессии обитателей Сабиньи, направлявшихся в монастырь Сантиссима Тринита близ Валлепьетры. Низкорослые и

---

¹ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 84.

² Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 620.

загорелые крестьяне в черных шляпах, украшенных травой, напоминающей наш ковыль, проходили рядами по шесть человек. За ними шли женщины в пестрых платках и дети с букетами полевых цветов. Протяжное пение хора разносилось далеко в чистом горном воздухе и заглушало неумолчный шум Аньене»³.

Название «Субиако» ведет свое происхождение от загородной виллы Sublaqueum (лат. — «под озером»), построенной императором Нероном (54–68 гг.) на берегах трех искусственных озер. «Некогда эта прозрачная и быстрая река, эта свежесть горного лета привлекли Нерона, построившего здесь одну из своих вилл, — пишет П.П. Муратов. — Нерон отлично умел выбирать места для своих дворцов. В средние века эта эстетика природы сделалась достоянием монахов. На востоке и на западе, в России и в Италии огромное большинство монастырей было заложено с глубоким вниманием и любовью к тому виду, который открывается из окон монастырских келий или трапезной. Этот вид был единственной роскошью, какую допускали в свою жизнь даже самые строгие анахореты. Святой Бенедикт, основавший первый западный монастырь здесь, в Субиако, сохранил эту традицию своих восточных предшественников. Узкая долина Аньене, выходящая у подножья горы, к которой прилепилась его «святая пещера», не менее хороша в своем роде, чем широкая умбрийская долина, видимая с высот Ассизи»⁴.

Со временем на берегу первого озера, Пьянело, возникло поселение с церковью, посвященной св. Лаврентию. Еще до эпохи прп. Венедикта монашеская жизнь издавна существовала в окрестностях Субиако, например, монастырь св. Власия (Блеза) на горе Талео. Монашеские общины существовали на Западе еще за два века до Бенедикта и уже породили ряд таких религиозных деятелей, как Мартин из Тура, а также способствовали появлению различных монастырских уставов. Однако всем им не хватало четкого, разумного и гармоничного кодекса, который сделал бы монастырскую жизнь приемлемой для людей, не обладающих исключительными физическими и духовными качествами, и, главное, который придал бы монашеским общинам солидную, хорошо продуманную структуру, способную выдержать непостоянство времени.

В 1832 г. в Субиако побывал профессор Московского университета Степан Петрович Шевырев (1806–1864). На пути к этой обители он посетил те места, которые были связаны с начальным периодом подвижничества прп. Вене-

---

³Муратов П.П. *Образы Италии*. М., 1994. С. 301–302.

⁴Там же. С. 302.

дикта, и где в XIX в. подвизались уже не только бенедиктинцы, но и монахи других орденов.

«От Олевано до Субиако 4 часа езды. Дорога ужасно крута: то поднимаешься вверх, то опускаешься вниз. Когда подъезжаешь к Субиако, вид хорош. Это гора–город, которой вершина замок, но вокруг него ужасно бесплодные горы.

Мы поехали в монастырь св. Козьмы — San-Cosimatto. В церкви есть весьма старинное распятие Иисуса Христа из дерева; возле него фигура святого, говорившая, как сказывают, с Карлом Великим. Есть картины, изображающие войны Карла с сарацинами. Недалеко от сего места можно видеть крепость сарацинскую. В монастыре живут францисканцы. Показали нам одну пещеру, где хранятся кости святых христиан, другую, где св. Бенедикту монахи поднесли яд: он благословил его, и сосуд разбился; после этого события святой удалился в Субиако. Монахи эти были василиканцы (базилиане — А.Н.).

Потом повели нас в другие пещеры в скале, где жили святые. Много любопытного. Замечательны алтари, воздвигнутые на тех же самых камнях, на которых совершали жертву древние христиане. Пещеры удивительно тесны. Тут же мы проходили водопроводом Нерона, ужасно темным. Вид из пещер прекрасный. Анио шумит подле. Под этот шум жили и молились святые. Они недаром избирали места живописные. Не эгоизму монахов, а великой мысли древних отшельников должно приписать то, что все древние обители находятся на самых живописных местах»⁵.

Поселившись в пещере, прп. Венедикт проводил время в благочестивом созерцании, а пищей его снабжал монах Роман, который давно жил здесь и который помог прп. Венедикту исполнять свой подвиг. Вячеслав Иванов, неоднократно бывавший в Субиако, передает свои впечатления от увиденного в стихотворной форме:

И Бенедикт, обрев приют скалистый,
Елей молитв возжег в пещере мгlistой:
И новый Бог стал Богом этих мест⁶.

В 497 г. местные пастухи в дикой глуши случайно встретили Венедикта, и вскоре весть о подвижнике начала привлекать к нему благочестивых паломников. Он был вынужден выйти из своего уединения, а в 510 г. монахи пещерного

---

⁵ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб., 2006. С. 478–479.

⁶ Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 620.

монастыря Виковаро избрали прп. Венедикта своим настоятелем. Со временем он основал небольшие общины по 12 монахов в каждой. В окрестностях Субиако было основано 12 таких общин, и прп. Венедикт сделался их общим настоятелем. Из всех обителей, основанных прп. Венедиктом, до настоящего времени сохранился только монастырь св. Схоластики, расположенный на высоте 510 м над уровнем моря. «Около 500 года и в возрасте тридцати лет св. Бенедикт вместе со своей сестрой, святой Схоластикой, основал здесь двенадцать обителей и дал устав первому западному ордену, получившему его имя, — пишет П.П. Муратов. — Многочисленные враги окружали святого и мешали его делу; они покушались однажды отравить его, но жизнь отшельника спасли верные вороны, которые успели унести от него отравленную пищу. В другой раз эти коварные люди ввели в молодой монастырь искусных в соблазне женщин, желая с их помощью нарушить чистоту бенедиктинского обета. Искусительницы проникли в самые келии монахов, и тогда святой Бенедикт в негодовании покинул монастыри Субиако и направился далее на юг, где на горе Монте Кассино основал другой, еще более знаменитый бенедиктинский монастырь»⁷.

Прп. Венедикт посвятил обитель св. Сильвестру, папе Римскому (314–335). При папах Григории IV (827–844) и св. Льве IV (847–855) была построена новая церковь. Св. Лев IV пожертвовал особенно много средств на строительство церкви монастыря и освятил ее во время своего посещения Субиако в 853 г. В конце IX в. первоначальное название монастыря св. Сильвестра постепенно исчезло, и обитель стала называться в честь прп. Венедикта и его сестры св. Схоластики (сконч. в 543 г.)

Вот что сообщает С.П. Шевырев об этих древних обителях: «Берегом Анио мы отправились в Сан-Бенедетто или San-Spесо по крутой горе. На дороге видели остатки бань нероновых и дворца, по обеим сторонам реки, и развалины моста, их соединявшего. Нерон весьма любил эту виллу. Сюда удалился св. Бенедикт, весьма молод, по окончании учения и жил там, где теперь монастырь. По дороге к нему есть еще другой монастырь, святой Схоластики, сестры Бенедикта; он ею основан; прежде был женским, а после превращен в мужской, когда который-то из пап запретил женским монастырям быть вне городов. Неподдалеку виден еще монастырь капуцинский с рощею, где умерла св. Схоластика»⁸.

С X в. при наместнике Льве III (923–961) монастырь стал процветать благодаря щедрости римского короля Альбериха, а к концу X в. была построена

⁷Муратов П.П. *Образы Италии*. С. 302

⁸Шевырев С.П. *Итальянские впечатления*. С. 480.

большая церковь в романском стиле, которую 4 декабря 980 г. освятил папа Бенедикт VII (974–983). В начале XI в. наместником монастыря стал Петр III (992–1003), во время наместничества которого германский император Оттон III (983–1002) провел несколько недель в Субиако в 999 г. За свою защиту прав монастыря Петр III был ослеплен солдатами дворянского рода Монтечелио и умер в тюрьме.

В XI в. окрестности Субиако дважды были опустошены сарацинами, но поскольку набеги были непродолжительны, то монашеская жизнь продолжалась непрерывно. «Начиная с XI столетия, аббатство Субиако стало расти, богатеть, пользоваться славой, не столько, впрочем, подобавшей ему мирной, сколько военной, — пишет П.П. Муратов. — Настоятели монастыря мало чем отличались от окрестных феодальных баронов, а их монахи были настоящими рыцарями, часто выезжавшими в поход на конях в сопровождении большого числа вооруженных слуг. Постепенно монастырь завладел всей окружающей его областью, и он приобрел гораздо больше городов силой оружия, чем одной грамотой папских дарений. В XII и XIII вв. воздвигнулись те здания, ради которых приезжий совершает трудный подъем в гору от моста через Аньене»⁹.

В истории монастыря достойны упоминания аббат Гумберт (1050–1069), чье имя сохранилось в названии великолепной романской колокольни, и особенно чтимый аббат Иоанн V (1069–1121). В 1073–1074 гг. им впервые была построена монастырская крепость, перестроенная в 1476 г. кардиналом Родриго Борджиа.

При наместнике Романе (1192–1216) монашеская жизнь начинается также и в пещере прп. Венедикта, находящейся близ обители еще выше в горах. В 1090 г. подвижник по имени Паломбо удалился от мира, чтобы жить вблизи пещеры прп. Венедикта. Впоследствии от 2 до 4 отшельников постоянно жило здесь, и, наконец, в конце XII в. образовалась небольшая отдельная община, глава которой был подчинен наместнику монастыря св. Схоластики. С этого времени начался период существования двух монастырей Субиако с единой общиной, и, чтобы избежать путаницы, пещерный монастырь был назван в честь прп. Венедикта, а у обители в конце XIV – начале XV вв. осталось его нынешнее название — монастырь св. Схоластики.

После кончины наместника Романа жизнь в монастырях Субиако была безмятежной. Папы щедро одаривали Субиако, особенно папа Иннокентий III

---

⁹Муратов П.П. Образы Италии. С. 302.

(1198–1216), Григорий IX (1227–1241) и Александр IV (1254–1261) (он родился недалеко от Субиако). Эти папы посещали обитель и были ее покровителями.

Папа Иннокентий III особенно любил этот древний монастырь, он провел там несколько месяцев в 1202 г., когда в Риме свирепствовала эпидемия малярии, а в феврале 1203 г. в особой грамоте назначил монастырю ежегодную плату в 6 фунтов серебра из папской казны. В связи с этим наместник монастыря Иоанн IV тогда же распорядился увековечить это событие фреской в монастырской церкви, изображающей папу Иннокентия III держащим грамоту одной рукой, а другую протягивающим к стоящему тут же монаху. Это изображение — наиболее близкий к подлиннику портрет папы Иннокентия III. Знаменитый католический историк Бароний поместил эту фреску в виде гравюры в своем труде «История папства» и отметил, что она выражает собой главные черты характера Иннокентия: ясность взора, твердость воли и приветливость.

В 1273 г., после смерти очередного наместника, в общине обоих монастырей возникли разногласия по поводу выборов нового аббата. Это событие отметило конец самого лучшего периода в истории монастыря, так как с 1276 г. аббаты стали назначаться Римской курией, и их выбор теперь далеко не всегда был удачным. Число монахов по призванию начало сокращаться, а их место начали занимать отпрыски из знатных семей, для которых не было возможности сделать светскую карьеру, так как это право было предоставлено только их старшим братьям.

Упадку монастыря способствовали и стихийные бедствия: паводки и наводнения, одно из которых произошло в 1305 г. и было связано с прорывом в долину первого и самого большого искусственного озера Нерона; землетрясения 1298, 1348, 1349 гг., а также эпидемия чумы в 1348 г.

В 1363 г. наместником монастыря был избран один из самых лучших сельников — Варфоломей III из Сиены. После безуспешных попыток ввести строгую дисциплину среди немногих монахов, живших в монастыре, он изгнал из обители самых нерадивых, а на их место пригласил монахов из других мест Италии и даже из других стран. На его приглашение откликнулось особенно много подвижников из немецкоязычных стран, и с этих пор Субиако приобрел общеевропейскую известность. Согласно данным документа от 1464 г., из 18 монахов, присутствовавших на одном из собраний, 12 были из немецких княжеств, 2 из Франции, 1 из Дании, 1 из Нидерландов и только 2 были итальянцами.

До середины XV в. обитель в Субиако, как и многие бенедиктинские монастыри, владела обширными землями и стремилась к полной автономии. Мо-

настырь имел независимость не только от светской власти, но также и от власти местного епископа, и подчинялся непосредственно папе. Но в 1456 г. монастырь Субиако утратил ставропигию, и с этого времени его хозяйственную жизнь стал контролировать местный епископ. Первым из них был Иоанн Торквемада, а затем аббатом был назначен Родриго Борджиа (1471–1492), который был впоследствии избран папой с именем Александр VI (1492–1503) и который реставрировал, а, точнее, перестроил стены монастыря. Попечительство над обителью последовательно затем переходило к династиям Колонна, Боргезе и, наконец, Барберини. При Барберини в 1638–39 гг. обитель Субиако стала *abbatiia nullius*, то есть оно не принадлежало ни к одному диоцезу, и назначаемый наместник приобрел также духовную власть над окрестными деревнями.

В 1514 г. оба монастыря Субиако вошли в конгрегацию Кассино, названную так по месту ее центра в монастыре Монтекассино (близ Неаполя), куда в 528 г. прп. Венедикт удалился из Субиако с частью своих последователей. Именно там он написал свой знаменитый устав, которому предназначено было в течение многих столетий служить уставом для большинства монастырей Западной Церкви. Поэтому с начала XVI в. наместники Субиако стали назначаться генеральным капитулом конгрегации, и с 1516 по 1849 гг. насчитывается 129 таких аббатов, некоторые из которых управляли обоими монастырями. В 1773 г. аббатом обители был назначен Анджело Браски, который впоследствии стал папой Пием VI (1775–1799) и, будучи римском первосвященником, постоянно заботился о процветании монастыря.

События, происходившие в соседней Франции, отражались на жизни монастыря, — с конца XVIII столетия. Во время якобинской диктатуры монахи были вынуждены покинуть монастырь (с октября 1798 по октябрь 1799 гг.), а затем еще на 5 лет (1810–1815 гг.) в связи с военными действиями армии Наполеона. Эти вынужденные перерывы в жизни монастыря были причиной утраты части драгоценных реликвий, редких книг, старинных документов. В 1848 г. монастырь Субиако был закрыт повстанцами, но уже в 1850 г. в обитель прибыл аббат Пьетро Франциск Казаретто, приглашенный сюда с братией из Лигурии папой Пием IX (1846–1878).

В монастыре Субиако началась новая жизнь; сюда приехали молодые послушники из разных европейских стран и даже из Африки. Реформа о. Франциска Казаретто постоянно распространялась и на другие монастыри Италии и за ее пределами. Обитель Субиако стала центром новой международной монашеской конгрегации, которая выделилась из конгрегации Кассино в 1872 г. В 1874 г. в

связи с объединением Италии (1870 г.) монастыри Субиако снова были закрыты, и лишь некоторые монахи находились там как хранители художественного национального достояния.

Вот какую картину в начале XX в. застал в этой обители П.П. Муратов: «Отдых в тени дворов нижнего монастыря, носящего имя Схоластики малопривлекателен. Все слишком изменено здесь: слишком многоеросло за сотни лет вокруг первоначального ядра, слишком многое разрушено благодаря попечительности богатых епископов и аббатов барокко. Молчание и пустота не удивляют здесь, потому что слишком очевидно несогласие всех этих сооружений с духом современной жизни, проникнувшим даже в такое место, как долина Аньене. Мысль об этом неотвратимом запустении места былых подвигов и молитв сжимает, однако, сердце печалью. Историческая судьба вещей не кажется справедливой, когда узнаешь, что только три монаха живут ныне в древнем бенедиктинском гнезде, охраняя в целях холодного культурного пиетета создание пылкого сердца и героической воли»¹⁰.

Но постепенно число монахов снова стало увеличиваться, и с 1909 г. монастырь Субиако снова имел своего наместника, который также являлся главой конгрегации. А в 1915 г. была упразднена зависимость от местного епископа.

Во время Второй мировой войны 23 мая 1944 г. монастырь был подвергнут бомбардировке американской авиацией. К счастью ему тогда не было нанесено серьезных повреждений. Лишь часть фасада была повреждена бомбами, а также некоторое число построек новейшего времени, которые с тех пор не заселяются. Памятным событием было посещение монастыря папой Иоанном XXIII 23 сентября 1960 г., о чем рассказывают фотографии, помещенные на стене монастырского двора.

В настоящее время в монастыре св. Схоластики насчитывается 35 монахов, из них — 16 священников, а в верхнем монастыре прп. Венедикта живет еще 8 насельников. Множество паломников прибывают в монастырь св. Схоластики к началу воскресной литургии. После II-го Ватиканского собора (1962–1965) в литургической практике Римско-Католической Церкви произошли некоторые изменения, связанные с упрощением обрядности, с большим привлечением верующих в процесс богослужения. Так, перед началом службы причастники подходят к жертвеннику, берут евхаристический Хлеб (облатку, гостию) и сами опускают его в особый сосуд. А перед началом евхаристического канона дети,

---

¹⁰Там же. С. 303.

мальчики и девочки, берут с жертвенника чашу и дискос с приготовленными Святыми Дарами и переносят их к престолу, чтобы передать священнику.

В старинном монастырском храме особенно чувствуется близость Божественного, насыщенность этим ощущением, и вспоминаются слова прп. Венедикта, записанные в его монашеском Уставе: «Мы верим в Божественное присутствие повсюду, но особенно, без малейшего сомнения, должны мы верить в него, когда участвуем в Божественной службе» (Правило 19). Насельники обители строят свою духовную жизнь на принципах, изложенных в Уставе прп. Венедикта — великого святого Единой неразделенной Церкви, который почитается и верующими Русской Православной Церкви.

Монастырский храм был построен в 1769 г. в неоклассическом стиле по проекту Джакомо Кваренги (род. в 1744 г. в Бергамо, сконч. в 1817 г. в Санкт-Петербурге). По обеим сторонам от алтаря находятся скульптурные изображения прп. Венедикта и его сестры св. Схоластики.

Убранство обители поражает сочетанием стилей разных эпох. Внутри монастырь делится на три части небольшими двориками; строительство первого из них в стиле эпохи Возрождения было начато в 1570 г. На колоннах южной стороны двора имеются изображения пап, которые посещали монастырь Субиако: Григория IX, Александра IV, Урбана VI, Пия II.

Второй дворик в готическом стиле как бы возвращает паломников в XIII – начало XIV вв. Он неправильной формы, несимметричный, с остроконечными двойными наклонными арками. В центре его находится античный водоем с барельефами, стоящий на мраморных колоннах, взятых с древней виллы Нерона. Западную сторону дворика украшает большая арка XV в., выполненная в стиле так называемой «пламенеющей» готики. Отсюда можно видеть фасад готической церкви и колокольни в романском стиле, а справа от колокольни — вершину горы Франколано.

Древняя готическая церковь и храм, построенный Джакомо Кваренги, существуют вместе, как бы один внутри другой, поскольку интерьер нового храма был создан внутри стен готической церкви. Готическая церковь начала строиться при наместниках Романа (1191–1216) и Ландо (1219–1243), но «Субиацкая хроника» относит ее почти полную перестройку ко времени наместника Варфоломея III (1363–1369). Фасад церкви выходит на восточную сторону готического дворика. Росписи XV в. представляют эпизоды из жития прп. Венедикта: попытку отравить прп. Венедикта вином; прп. Венедикт, наказывающий ленивого послушника розгой; чудо с готом и др.

В колонну напротив входа в церковь вделан камень, на котором высечено изображение двух ланей, пьющих из сосуда, поддерживаемого ветвями растения: очевидно, это символ Евхаристии. В нижней части камня в VIII–IX вв. была сделана надпись, фрагмент которой и сейчас читается очень отчетливо:

«...который ради любви к Богу и блаженному аббату Бенедикту...
...который на этом месте имел великую борьбу...»

По-видимому, каждая из этих строчек имела продолжение на соседнем камне и составляла законченную фразу. Можно предполагать, что этот камень сохранился от древней постройки, воздвигнутой ради любви к Богу и прп. Венедикту на том месте, где этот подвижник претерпевал сильную борьбу с искушениями.

Поэт русского зарубежья Николай Оцуп посвятил проникновенные строки основателю ордена и его ученикам, не умалчивая и о тех искушениях, с которыми боролся прп. Венедикт:

Святого Бенедикта ученик,
Бессмертного наставника заветы
Храни. Он обаятельно велик
Во всем. Он школы, университеты
Построил для трудолюбивых пчел —
И ремесло и знания в почете
У вас. Но главное — он ключ нашел
К сердцам забывших женщин. Вы поете
Настойчиво и горячо, пять раз,
А то и больше, в день молитвы Богу,
Сойдясь все вместе. Это не экстаз,
А сбор еще до срока в ту дорогу...
И все, что распаляет нас, в одну
Любовь сливает их семья большая.
И Церковь, обнимая как жену,
Бенедиктинец шепчет: дорога!¹¹

Монастырская колокольня-кампанилла в своих отдельных частях принадлежит к разным эпохам и, возвышаясь над двориком, придает ему особое очарование. Ее нижняя часть раньше была нартексом древней церкви IX в.; она

---

¹¹ *Оцуп Н.* Жизнь и смерть. Стихи. Т. 2. Париж, 1961. С. 116–117.

состоит из 4-х больших колонн и арок. На ее восточной арке можно видеть роспись, изображающую Господа Вседержителя, исполненную в чисто византийском стиле (IX в.). На противоположной арке изображен Агнец Божий в центре и 4 евангелиста в виде крылатых животных (IX–X вв.); евангелист Матфей — с лицом человека и с телом животного: случай редкий, если не уникальный в традиционной иконографии евангелистов. Около 980 г. над первоначальным нартексом были построены нынешние три этажа колокольни. Кроме этого, наместник Гумберт в 1052–1053 гг. еще раз надстроил эту колокольню, старейшую в центральной Италии. Об этом свидетельствует надпись по-латыни при входе в церковь: «В 4-й год правления господина Льва IX досточтимый аббат Гумберт воздвиг это творение в виде замечательной башни». Позднее верхняя часть колокольни с романскими арками была перестроена, и в своем современном виде колокольня монастыря св. Схоластики представляет собой один из самых великолепных архитектурных шедевров.

У стены северной стороны дворика находятся остатки древних церквей и виллы Нерона, которые предполагается разместить в музее. Самые ценные фрагменты, открытые в 1883 г., находятся в Риме в Национальном музее (Термы Диоклетиана): голова спящей Ариадны, прекрасный «Эфей из Субиако» и подлинная греческая статуя из мрамора (IV в. до Р. Х.).

Наибольший интерес представляет последний дворик, в который ведет длинная узкая галерея в стиле поздней немецкой готики XV в. Высокая культура декоративного убранства интерьера — отличительная особенность зодчества центральной Италии. Именно здесь в XII–XIV вв. работали художники из семейства Космати — известные мастера декоративной мозаики и мраморной инкрустации. Их творения, украсившие многие церкви, неизменно проникнуты высокой духовностью и гармонией, примером чего может служить созданный в «космединском» стиле интерьер третьего дворика монастыря св. Схоластики. На южной стороне дворика на каменной табличке можно прочесть имя архитектора: «Мастер Яков из Рима создал сие творение».

Начиная с востока на запад, своды составлены из отдельных фрагментов, пронумерованных по порядку от 1-го до 17-го; на колоннах также можно видеть различные знаки и метки. Это позволяет предполагать, что основная работа была, по-видимому, сделана в Риме, и заранее изготовленные части были затем вывезены и соединены вместе в Субиако. Здесь нет двух одинаковых колонн и капителей; на западной стороне дворика есть еще одна надпись: «Косьма и сыновья Лука и Яков младший, римские граждане, опытные в искусстве мрам-

мора, исполнили этот труд во время аббата Ландо». Из этой надписи явствует, что остальные стороны — восточная, северная и западная, были окончены сыном Якова Косьмой, которому помогали его два сына — Лука и Яков младший во время правления наместника Ландо (1219–1243). Материалом, использованным для строительства, был белый каррарский мрамор, взятый после землетрясения из развалин виллы Нерона.

Обитель Субиако является колыбелью книгопечатания в Италии. Вскоре после того как Иоганн Гуттенберг изобрел книгопечатание в Германии, в Майнце в 1461–63 гг. возникли серьезные трудности для развития нового дела. Поэтому два печатника — клирики Конрад Шванхайм и Арнольд Паннарц выехали в Италию и вскоре прибыли в Субиако в монастырь св. Схоластики (около 1464 г.). Здесь они изготовили образцы латинского шрифта с округлыми заглавными буквами и маленькие готические литеры, а также несколько видов греческого шрифта. В Субиако они напечатали 4 книги: «Латинскую грамматику» для детей (300 экз.), «Речи Цицерона» (275 экз.) и «Три сочинения Лактанция» (275 экз.) — в 1465 г., а также «О граде Божием» блаж. Августина (275 экз.) — в 1467 г. В том же году оба книгопечатника переехали в Рим, и таким образом они прожили в Субиако около трех лет. Это не очень много, но этого достаточно, чтобы принести Субиако славу колыбели книгопечатания в Италии.

Здесьняя монастырская библиотека насчитывает на сегодня более 100 тыс. книг, в число которых входит святоотеческая, богословская, историческая, художественная и справочная литература. Издается свой журнал «Сакро Спекко» («Священная пещера»); около 250 периодических изданий постоянно пополняют фонды книгохранилища, и всего лишь два насельника поддерживают образцовый порядок в библиотеке. На стенах мерцают электронные датчики, регистрирующие температуру и влажность в помещении.

В течение XIX столетия из архивов и библиотеки монастыря в силу внешних причин было утрачено большинство документов, кодексов и инкунабул. Однако часть драгоценных остатков была спасена от уничтожения, и в настоящее время 380 рукописных книг из Субиако хранятся в крупнейших библиотеках Европы. В Ватиканскую библиотеку попали такие старинные кодексы как «Субиацкий миссал» (1065–1076) и «Хроника Субиако» (XIV в.). В самой же монастырской библиотеке имеется 218 инкунабул, три из которых были напечатаны в Субиако: «Сочинения Лактанция» и «О граде Божием» (2 экз.) Здесь хранятся такие драгоценности, как рукописный миссал XIII в., «Правила прп. Венедикта» (IX в.), подлинные грамоты (буллы) папы Иннокентия IV от 1243 г.

и папы Урбана VI от 1387 г. Здесь есть также и рукописи более позднего периода, изготовленные с большим мастерством и своеобразием. Еще в XIV столетии в Италии выработался свой вид готического письма — «готическая антиква»; вначале она называлась «письмом Петрарки», который был талантливым мастером каллиграфии.

В монастыре есть небольшая типография, основанная в 1908 г.; тут же находится переплетная мастерская и лаборатория микрофильмов. Имеется также метеорологическая станция, столярная мастерская, сады в двух дворах, огород, коровы, домашняя птица и маленькая пасаха. Трудолюбие бенедиктинцев общеизвестно, и выражение «бенедиктинский труд» стало синонимом кропотливой напряженной работы, требующей большого внимания и усилий.

Так например, согласно преданию, самые первые механические часы были изготовлены монахом-бенедиктинцем Гербертом д'Ориллоу, впоследствии взошедшим на папский престол с именем Сильвестра II (999–1003). Сейчас же в монастыре св. Схоластики пользуются электронными часами с циферблатом в виде прямоугольного щита со множеством ячеек. Достаточно лишь заранее воткнуть металлические стержни в соответствующие гнезда, чтобы в течение суток срабатывало реле и раздавались звонки, регулирующие размеренную монастырскую жизнь с пунктуальной точностью. Впрочем, счастливые часов не наблюдают, и не случайно сосредоточенную молитвенную жизнь, тихо идущую в горах, окаймляющих долину реки Аниене, сравнивают с прорывом в вечность...

День бенедиктинца, согласно Уставу основателя ордена, сосредотачивается вокруг трех моментов: Опус Деи (Дело Божие, богослужение), Лекцию Дивина (Божественное чтение) и Лабора (Работа). «Подняться к небу, — поучает прп. Венедикт, — можно только по ступеням смирения и строгого порядка <...> Праздность есть враг души, а потому братья должны часть времени заниматься ручным трудом, часть времени — чтением Писания». На ручную работу «Правило» прп. Венедикта отводит 7 часов в день: «Монахи только тогда и могут считаться настоящими монахами, если живут от трудов рук своих, как наши отцы и апостолы...» Поэтому сразу же при входе в монастырь над дверью паломники могут прочесть надпись, являющуюся девизом ордена бенедиктинцев: «Ора эт лабора» («Молись и работай»).

В записках С.П. Шевырева (1832 г.) есть такие строки: «Различие монашества Восточного и Западного: монахи Востока стремились к уединенному созерцанию, к разрыву явному с обществом; монахи Запада, напротив, к общественному соединению в пользу религии или наук, к ней относящихся <...> В уставе

монастырском свт. Бенедикта замечательно весьма уничтожение всякой индивидуальности, всякой собственности личной. Поневоле скажешь, что мысль об общине принадлежит почве римской. Св. Бенедикт то же начало утверждает для монахов»¹².

...Для того чтобы попасть в монастырь прп. Венедикта, нужно от монастыря св. Схоластики подняться вверх еще на несколько десятков метров по узкой дорожке, идущей рядом со скалами, нависшими над стремительными водами Аниене. Поднимаясь на гору Талео, паломники доходят до маленькой дубовой рощи. «Приятен отдых после нового и еще более значительного подъема в рощице вечнозеленых дубов, растущих близ входа в верхний монастырь, называемый Сакро Спеко в память пещеры Бенедикта, — пишет П.П. Муратов. — Но даже с этого места монастырь еще не виден. Его открываешь только за поворотом узкой дороги, прилепившейся к совершенно отвесной скале под угрозой нависшего над ним утеса»¹³.

Далее ступеньки ведут паломников к монастырю, прилепившемуся к скале, подобно гнезду ласточки, как это отметил еще папа Пий II, побывавший здесь в 1461 г. «В Сан-Бенедетто входишь галереей вечнозеленых, неувядающих дубов, — сообщает С.П. Шевырев. — Она подле открытой и жаркой дороги. Монастырьстроен в скалу. Храмы его весьма старинные, живопись напоминает нашу греческую»¹⁴.

За мной — вершин лиловый океан;
И крест, и дверь — в конце тропы нагорной,
Где каменных дубов сомкнутый стан
Над кручей скал листвою поникнул черной¹⁵.

Вячеслав Иванов. «Субиако»

Монастырь прп. Венедикта состоит из двух пещерных храмов, вырубленных в скале один над другим, и нескольких часовен, соединенных между собой многочисленными галереями. Над входом в обитель находится мозаичное Распятие (XIII в.), а на двери, ведущей в залу собраний (капитул), можно прочесть на латыни: «Да будет мир входящему, да будет обильная благодать просящему. Лаврентий с Яковом сыном своим воздвиг сие творение».

---

¹² Шевырев С.П. Итальянские впечатления. С. 391.

¹³ Муратов П.П. Образы Италии. С. 303.

¹⁴ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. С. 479.

¹⁵ Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 620.

Великолепные фрески, покрывающие стены, своды галерей и храмов, дошли до наших дней в полной сохранности благодаря мягкому средиземноморскому климату. Верхняя церковь состоит из двух частей: интерьер первой части (XIV в.) был создан в более старом храме первой половины XIII в. От его убранства осталась мраморная кафедра, украшенная большими розами и орлом, поддерживающим аналой для книг своими крыльями. В этой части храма все фрески сиенской школы (XIV в.).

Во второй части верхней церкви на ее нижних сводах есть росписи умбрийской школы, которые датируются началом XV в. На одной из фресок прп. Венедикт изображен в епископском облачении сидящим на троне и окруженным святыми. К сожалению, живопись на левой стене почти полностью исчезла из-за влажности скалы. Однако фрески на правой стороне в хорошем состоянии; на них изображена сцена покушения на жизнь прп. Венедикта монахами из Виковаро (недовольными его строгим уставом), а также исцеление ленивого послушника, который часто покидал часовню, в то время как остальные братья оставались здесь на молитву, и которого прп. Венедикт исцелил розгами.

Ступени, вырубленные в скале, ведут в нижнюю церковь. Мастер Консолус, который написал почти все фрески в нижней церкви, — это художник второй половины XIII в., принадлежавший к римской школе, величайшим представителем которой был Пьетро Каваллини. На левой стене Консолус изобразил ранние эпизоды из жизни прп. Венедикта: встречу со св. Романом, который облачил его в монашескую одежду, и его уход в пещеру. Слева от лестницы есть фреска, повествующая о кончине прп. Венедикта, а ниже представлено чудо с готом.

Озеро в виде белой прямоугольной поверхности с волнистыми краями, слева гот, — он вручает прп. Венедикту рукоятку ножа, упавшего в озеро; справа — прп. Венедикт, погружающий в воду черенок, к которому чудесным образом присоединяется нож. Сцены представлены с большим реализмом и экспрессией.

Выше, над дверью хоров, — чудо св. Плацида: молодой Плацид, упавший в озеро Нерона и спасенный св. Мавром, который, по приказу прп. Венедикта, идет по водам, чтобы спасти Плацида. С обеих сторон от окна на двух фресках изображена попытка Флорентия отравить прп. Венедикта, а слева, на великолепно сохранившейся фреске, можно увидеть женщину, одетую в красное, — она также предлагает Венедикту несколько отравленных кусков хлеба, завер-

нутых в большое белое полотно. На росписи справа прп. Венедикт приказывает ворону унести прочь отравленное подношение.

Из нижней церкви можно пройти в Сакро Спеко (Священную пещеру), где молодой Венедикт подвизался в течение трех лет. Весной 1897 г. здесь побывала английская писательница Вернон Ли (Виолетта Паджет). В ее книге «Италия» есть небольшая глава, озаглавленная «Sacro Speso» («Святая пещера»). В ней переданы общие впечатления об увиденном.

«Sacro Speso было прекрасной неожиданностью. Ряды маленьких церквей и капелл с лестницами, ведущими вверх и вниз, сводами, расписанными в готическом стиле, и лампадами повсюду перед алтарями, были совершенно открыты и пусты. Мы вступили в них или, вернее, в поворачивающейся углом вестибюль, покрытый фресками каких-то умбрийцев, без всякого резкого перехода от великолепной рощи вечно-зеленых дубов с безмерными ветвями, подобными балкам, над головой и от склонов голубовато-серого туфа, покрытого только изредка горькой травой. Монастырь Sacro Speso — похожее на крепость небольшое здание, куда мы никак не могли проникнуть. Мрачный монах, которого мы с трудом отыскали, (другой обходил капеллы с большими связками желтофиолей и ирисов) ввел нас в микроскопический садик под монастырскими строениями, огороженный цветущим розмарином, где росли розы, в которых катался св. Бенедикт, (майские розы, пока еще выпустившие только одни листья) посаженные в виде ложа или решетки, ряд за рядом.

Хотя это место не кажется заброшенным, оно великолепно для отшельнического житья: голубовато-серые склоны, сбегające вниз в зеленый пенный Анио, высокие, голые, голубоватые горы вокруг, достаточно отступившие, чтобы их можно было видеть, большое чувство воздуха и пространства из долины. Никакой растительности, кроме немногих оливок и тощих дубков, горькой травы и молочая. Никаких душистых кустарников счастливой Тосканы. Глубоко внизу арки виллы Нерона — демоны ее, без сомнения, давно укрощены. Эти расписанные джоттесками капеллы окружают весь увешанный лампадами маленький туфовый грот, тот самый, в который ангелы принесли корзины с пищей, в котором дьяволы казали рога св. Бенедикту»¹⁶.

Вхожу. Со стен святые смотрят тени;
Ведут во мглу подземную ступени;
Вот жертвенник: над ним пещерный свод...¹⁷

Вячеслав Иванов. «Монастырь в Субиако»

¹⁶ Ли В. Италия. М., 1914, С. 160–162.

¹⁷ Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 620.

Словно переключаясь с Вячеславом Ивановым, ему вторит Николай Оцуп:

Плыви, корабль монастыря,
Над временем. Неси терзанья,
Раскаянья и заклинанья
К престолу своего Царя...
Пускай молитвы говоря,
Увидит праведник сиянья
Сквозь темноту существования,
Которое дано не зря¹⁸.

Пещерный запрестольный образ сделан в космединском стиле (XIII в.). При свете 12-ти лампад (по числу древних обитателей в окрестностях Субиако) можно видеть мраморную статую прп. Венедикта работы скульптора Раджи (1657), ученика Бернини. Она изображает прп. Венедикта молодым человеком с руками, молитвенно сложенными на груди и взглядом, устремленным на крест. «Именно из этой пещеры вышли правила и устав прп. Венедикта и вырос цветок христианской цивилизации», — писал в XIX в. Ш.Ф. Монталамбер (1810–1870), — известный исследователь истории западного монашества.

В записках С.П. Шевырева содержится более подробное описание святой пещеры.

«Показывают пещеру, где жил св. Бенедикт; за алтарем видна его статуя: святой представлен молящимся на коленях. Тут же место, где он спал, и корзинка, сделанная из мрамора, в память той, из которой он вкушал дикие плоды. Возле той пещеры рядом другая, где он беседовал с братиею и преподавал учение Христово. Здесь посетил его св. Сильвестр папа, и видна его сидящая статуя. Св. Сильвестру посвятил он этот монастырь, из 12-ти все им же основанных. Тут же я заметил на стене повешенное изломанное ружье, и одна женщина рассказала нам, что ее племянник, охотник с ружьем, приходил помолиться святому, что курок сорвался, ружье разорвало, куски выломали стену, а у него был ушиблен только палец: он приписал это чуду святого и повесил в пещере остатки ружья. В Италии весьма часто видишь у образа Мадонны множество кинжалов, пистолетов и разных смертоносных орудий: это жертвы, приносимые народом Пресвятой Деве. Иной, убежденный проповедью монаха, отказывается от смертоубийства, которое было замыслил, и посвящает орудие пагубы Богу»¹⁹.

---

¹⁸ Оцуп Н. Жизнь и смерть. Стихи. Т. 2. С. 116.

¹⁹ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. С. 480.

Из нижней церкви спиральная лестница ведет в часовню св. Григория. Живопись в этой часовне также принадлежит Консолусу, и она особенно важна для изучения средневекового церковного искусства. Слово П.П. Муратову. «Один из монахов провел нас в церковь, темную и сплошь покрытую фресками, — пишет отечественный искусствовед. — Странные переходы и лестницы спускаются в ту часть храма, которая непосредственно примыкает к скале вокруг пещеры, где спасался святой. Все стены и здесь покрыты живописью очень разнообразных эпох. Русский путешественник без внимания не должен пройти мимо изображений в капелле Сан-Грегорио, говорящих о том времени, когда Италия и Россия были сестрами, учившимися искусству у одной матери — Византии»²⁰.

Справа — знаменитая фреска св. Франциска Ассизского, изображенного без нимба и без стигматов, с надписью «Брат Франциск». По-видимому, она была написана еще при жизни святого, до 1224 г., когда он обрел стигматы. (Св. Франциск посетил Субиако в 1223 г.). Слева от окна изображен кардинал Уголино, епископ Остии, и впоследствии — папа Григорий IX (1227–1241), которому и посвящена часовня.

Далее каменные ступени ведут в часовню Богородицы. Все фрески на ее стенах выполнены тем же мастером сиенской школы, который расписывал первую часть верхней церкви. В этой часовне хранятся кости особо почитаемого подвижника Лаврентия Лориката; он умер в 1243 г., прожив годы, полные суровых лишений.

Вблизи часовни Божией Матери есть ступеньки, ведущие в пещеру пастухов. В этой пещере прп. Венедикт обычно собирал пастухов из близлежащих окрестностей, чтобы научать их истинам христианской веры. Каменная табличка напоминает о последователях прп. Венедикта, которые распространяли эту веру по всей Европе и за ее пределами. На светлой штукатурке, покрывающей часть скалы, сохранились остатки византийской живописи VII в. Посредине — Пресвятая Дева с Богомладенцем; по обеим сторонам от Нее — изображения святых. Из пещеры пастухов ворота ведут наружу. Камень с надписью «Кости монахов обители прп. Венедикта погребены в мире» отмечает небольшое кладбище, на котором хоронили усопших насельников до 1870 г.

При выходе из пещеры паломники могут видеть «сад воронов», названный так потому, что там, в огромной клетке постоянно держат двух воронов в память о чудесном спасении прп. Венедикта, — когда вороны унесли отравленный хлеб, предназначавшийся для подвижника. В XIX столетии в саду была воз-

²⁰Муратов П.П. Образы Италии. С. 303.

двигнута статуя прп. Венедикта, который с жестом отеческого покровительства протянул руку к скале Талео, нависшей над обителью. На постаменте написано: «Остановись, о, скала, и не угрожай моим сынам».

С террасы открывается величественная панорама близлежащих окрестностей. Недалеко от террасы устроен розарий в честь прп. Венедикта. Еще только намереваясь посетить Субиако, С.П. Шевырев записал в своем дневнике (1831 год): «Св. Венедикт, основатель орденов монастырских, то же, что св. Антоний на Востоке. О нем предание говорит, что он в минуту искушения бросился на колючие тернии, процветшие розами»²¹. И вот, русский профессор уже созерцает тот самый розарий: «Мы вышли на террасу, где растут прекрасные, но сверх того и святые розы. Св. Бенедикта хотел искусить дьявол и предстал ему в виде женщины; он, чтобы избежать искушения, нагой бросился на колючий шиповник, который после Франциском превращен был в розы. Одна картина изображает, как св. Франциск прививает розы, а другая — как св. Бенедикт бросается на терны. Монах оделил всех нас розами. Предание грациозное!»²².

Вот вертоград: нависли скал угрозы;
Их будит гром незримых дольних вод,
А вокруг горят мистические розы²³.

Вячеслав Иванов. «Субиако»

Вячеслав Иванов посвятил древней обители еще одно стихотворение — «Розы в Субиако».

Не ветерком колеблемые трости,
Не мужа в мягких складках риз богатых
Вы шли увидеть. Скит на белых скалах —
Обитель горняя. Премудрость прости.
Как остов — ребра скал, а камни — кости;
И в черепах, под бровью роц косматых,
Пещер глазницы, а в теснинах сжатых
Беснуется поток в ползучей злости.
Рос дикий терен под апсидой низкой,
Где ночь и день из бездн кромешных аспид,
В утес вгрызаясь, вопиет угрозы.

---

²¹ Шевырев С.П. Итальянские впечатления. СПб. 2006. С. 271.

²² Там же. С. 480.

²³ Иванов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 620.

Но бросился в колючки гость Ассизский,
Чтоб ветхий в нем Адам был вновь распят.
С тех пор алеют садом эти розы²⁴.

«Гость Ассизский» — это св. Франциск, который, стремясь побороть плотские искушения, продирался сквозь терновник с его острыми шипами. Русский поэт воспеваёт подвиг смирения св. Франциска:

Коль, вестник мира, ты войдешь в покои,
Где прежние твои пируют други,
И нищего прогонят в шею слуги
И нанесут убогому побои:

Возвеселись и не ропщи, что знои
Должны палить и стужей веять вьюги;
Благослови на воинах кольчуги,
На пардах — пятна, и на соснах — хвои.

Мятежных сил не пожелай иными:
Иль Ковача ты мнишь умерить горны?
Всем разный путь и подвиг, свой и близкий.

Иль бросился в колючки брат Ассизский,
Чтоб укротить пронзительные терны?
Но стали терны — розами родными²⁵.

Посетил этот розарий и П.П. Муратов.

«Спустившись из нижней части храма на террасу, пристроенную к горе с большим трудом и искусством, монах выводит посетителей Сакро Спекко в сад роз, — роз свт. Франциска. По преданию, некогда на этом месте росли тернии, в которых, сняв одежды, катался святой Бенедикт, желая наказать свое тело за греховные желания. Прикосновение свт. Франциска превратило эти тернии в розы. Никакие исторические исследования не выражают вернее, чем эта легенда, всей сущности религии свт. Франциска и ее отношения к средневековому христианству.

Странным оазисом кажутся розы свт. Франциска здесь, в Субиако. Более суровые и грозные веяния монашеского полувогосточного христианства остались в Субиагской долине. Два ворона, которых до сих пор

---

²⁴Иванов В. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 497.

²⁵Там же. С. 497–498.

содержат в монастыре в память свт. Бенедикта, представляются свидетелями каких-то необычайных древних борений человеческого духа с природой. Здесь невольно вспоминаешь рассказы о их долгом возрасте, и карканы этих черных монашеских птиц кажется единственным живым голосом умолкнувшей и опустевшей латинской Фиваиды»²⁶.

Монастырь постоянно открыт для всех паломников — духовенства и мирян, которые хотят провести несколько дней в большей близости к Богу, в поисках благодати и мира. Гостеприимство обители Субиако простое и очень сердечное. Без усталости монахи в качестве гидов рассказывают об истории монастыря, занимаются духовным просвещением, отвечают на многочисленные вопросы. Для каждого, кто приходит сюда, двери открыты, но сердце открыто еще более: «Porta patet, cor magis».

...Устав прп. Бенедикта был принят во многих монастырях средневековой Европы, и этим объясняется его значительное культурное влияние на весь христианский мир. В 1964 г. папа Павел VI провозгласил прп. Бенедикта покровителем Европы, а в 1980 г., под эгидой ЮНЕСКО, было отмечено 1500-летие со дня его рождения.

Норчия

Прп. Бенедикт родился около 480 г. в «холодной Нурсии» (frigida Nursia, ныне — Норчия), как писал Вергилий об этом местечке, расположенном недалеко от Сполето (Умбрия). Его семья вела свою родословную от древнего римского рода Анициев.

В 170 км от Рима, среди покрытых лесами холмов Умбрии, полных диких кабанов, приютился маленький городок Норчия, притягивающий и поражающий паломников своими нетронутыми цивилизацией средневековыми очертаниями. Когда-то этот город славился тенорами, певшими в церковном хоре. «Норчия — папезский город в Умбрии. Тамошние жители допускают себя кастратами делать»²⁷, — сообщалось в путеводителе середины XVIII в.

На протяжении веков, как и другие города Италии, Норчия пережила череду войн, политических потрясений, бунтов, бедствий, землетрясений. Самое первое из них, известное нам, относится к 99 г. до н.э., а последнее — сместившее фигурки, украшающие фасад церкви прп. Бенедикта на главной площади,

---

²⁶ Муратов П.П. Образы Италии. С. 303.

²⁷ *Рот Р.* Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. Изд. 2. М. 1782. С. 290.

— к 1979 г. Сегодня Норчия по праву может гордиться своими многочисленными историческими памятниками и тем, что в 1902 г. здесь была открыта первая в Италии линия городского транспорта паровых автомобилей Сполето – Норчия.

В 1978 г. во время реставрационных работ в церкви св. Схоластики, покровительницы города, которая находится в 3 км. от Норчии, произошло настоящее чудо. Готовясь к празднованию 1500-летия со дня рождения прп. Венедикта, брата св. Схоластики и второго покровителя Норчии, было решено вернуть к жизни фрески XV в. Во время работ под этими фресками был обнаружен еще один слой, относящийся к XIV в., и 10 февраля 1978 г., как раз в день св. Схоластики, под ударами молотка реставратора Стефано Феличетти, упал слой штукатурки, открыв лицо святой.

«Серия фресок, изображавших сцены жизни св. Бенедикта, написанных в XIV в., была покрыта впоследствии новым слоем живописи, — писала газета «Оссерваторе Романо». — На участке стены, где находился св. Бенедикт, была написана и одна из сцен со св. Схоластикой. К счастью, фигуры двух святых не оказались наложенными одна на другую, но находились рядом, как бы ведущие разговор друг с другом. В процессе реставрационных работ две фрески будут сохранены так, как они предстали перед нами, в позе счастливой встречи»²⁸.

За 30 прошедших лет были спасены многие уникальные памятники искусства, находящиеся сейчас в городском музее, отреставрированы фрески и старинные церкви Норчии.

...Покидаешь Норчию с чувством легкого сожаления. Этот городок, обнесенный массивной крепостной стеной, с узкими улочками и центральной площадью с собором, Городским дворцом и статуей прп. Венедикта работы сицилийского скульптора Франческо Принци, таит в себе особое очарование...

2. Монтекассино

Вознесенный высоко на вершину холма, господствующего над старинной дорогой, ведущей из Рима в Неаполь, монастырь Монтекассино был на Западе одним из крупнейших христианских центров образования еще в эпоху раннего Средневековья.

Начало этой обители был положено в 529 г. св. Бенедиктом Нурсийским (ок. 480–547). Бенедикт основал монастырь Монтекассино (на полпути из Рима

---

²⁸ Баранчеева И. Искусство помогает искусству // Литературная газета. № 35. 8–14 сентября 2004. С. 14.

в Неаполь, между Аквино и Капуей) на горе (итальянск. — *монте*), где ранее было языческое капище.

Кассиодор — предшественник при Бенедикта

Не является случайностью то, что основание монастыря Монтекассино по времени совпало с указом императора Юстиниана (527–565) об упразднении последней школы античной философии в Афинах. «Можно сказать, что после Бенедикта не только язычники, но и полуязычники <...> стали анахронизмом. Последний из великих стражей античной культуры Кассиодор, который пережил всех своих выдающихся современников, сбросил тогу и облекся в рясу»,²⁹ — пишет И.Н. Голенищев-Кутузов.

Магн Аврелий Кассиодор Сенатор (род. ок. 490 г.) — один из влиятельнейших государственных деятелей своего времени. Он происходил из знатного рода, дед (или прадед) его защищал Рим во время вандальского нашествия, отец был префектом претория, то есть чем-то вроде первого министра при Одоакре. Кассиодор начал службу квестором уже при Теодорихе Готском, был в 514 г. консулом, потом начальником королевской канцелярии, а после смерти Теодориха в 526 г. — префектом претория при его преемниках Эвтерихе, Амаласунте, Теодахаде и Витиге.

Наконец, в 540 г. Кассиодор отказывается от политической деятельности, покидает двор, уезжает в свое родовое имение на берегу залива Сквилларе (Калабрия) и основывает там монастырь Вивариум (получивший название от тамошних садков с живой рыбой), которым управляет сам. Год смерти его точно неизвестен, но дожил он до глубокой старости: в сочинении «О правописании» он упоминает, что ему уже минуло 92 г. Примеру Кассиодора следовали и другие представители римской знати, и вскоре его ученики основали еще два монастыря рядом с его обителью.

Таким образом, жизнь Кассиодора распадается на две разнородные части: в качестве префекта претория он ревностно проводил основную линию политики Теодориха — попытку слияния готов с римлянами и создания из тех и других единого мощного государства, способного сменить рухнувшую Западную империю; после же удаления от дел он с таким же усердием берется за устройство своего монастыря, работу над уставом монастырской жизни и за литературную деятельность. В этой области он явился предшественником Бенедикта Нурсийского: первой обязанностью монахов он счел заботу о своем умственном и ду-

---

²⁹ Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 120.

ховном развитии: первоначально он намеревался даже создать в Риме академию для изучения богословских наук, но, как он сам говорит во введении к сочинению «Об изучении наук божественных и человеческих», «войны и прочие смуты, вызванные нашествием Юстиниана на Италию, не позволили этого, и он заменил свой план созданием большой библиотеки в своем монастыре, к работе в которой он ревностно побуждал монахов»³⁰.

Став настоятелем монастыря, он собрал огромную библиотеку и превратил его в центр христианской науки. «Да окажет нам Бог милость, — писал он, — быть подобными неумолимым волам, чтобы обрабатывать поле Господа нашего лемехом следования уставу и регулярных упражнений»³¹.

Особенно поощрял он работу переписчиков (по его терминологии, «антиквариев»), говоря, что своим трудом они «борются тростником и чернилами против коварных козней дьявола и наносят ему столько ран, сколько слов Господних они переписывают». Он не запрещает и изучения светских наук, но ставит их на второе место и советует овладеть только самыми их началами; одобряет занятия лечебным делом и — для малоспособных к научным занятиям — садоводство, земледелие и рыболовство.

От Кассиодора дошло до нас довольно много произведений. Наибольший интерес представляет собрание писем и указов, писанных и отредактированных им самим, изданное незадолго до его удаления от дел в двенадцати книгах под заглавием «Разное»: это богатейший живой материал по истории первой четверти VI в. К сожалению, только в сокращенном изложении дошел до нас труд Кассиодора «История готов»; сохранившиеся же «Хроника» и «Трехчастная история» представляют собой лишь компиляции из произведений Иеронима, Руфина и других писателей, касающиеся всемирной и церковной истории. Чисто богословские темы разработаны в обширном «Истолковании псалмов» и в небольшом сочинении «О душе». Наибольшее же значение для всех последующих веков имело его сочинение «Об изучении наук божественных и человеческих», послужившее основой уставов многих монашеских орденов³².

³⁰Грабарь-Пассек М.Е. Кассиодор // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 147.

³¹Cassiodor. Proef. in Psalm, n. Exposit. in Psalm. CXXX. (Цит. по: Montalembert C.R. Les moines d'Occident. T. 2. Paris–Lion, 1878. P. 77, 85).

³²Грабарь-Пассек М.Е. Кассиодор // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. С. 147.

Основание Монтекассино

Римский патриций Тертулл подарил прп. Венедикту участок земли, и 8 апреля 529 г., в день праздника святой Пасхи, монахи с пением «Аллилуия» приступили к работе. В начале VI в. Монтекассино представлял собой полуразрушенный городок, который когда-то был крепостью (Castrum Casinum). В Монтекассино еще были сильны языческие верования, и храм Аполлона, стоявший на горе, возвышался над городом. Данте Алигьери, от имени св. Бенедикта, повествует о тех давних событиях:

Вершину над Касино в оны лета
Толпами посещал в урочный час
Обманутый народ, противник света.
Я — тот, кто там поведал в первый раз,
Как назывался миру ниспославший
Ту истину, что так возносит нас;
По милости, мне свыше воссиявшей.
Я всю округу вырвал из тенет
Нечистой веры, землю соблазнявшей³³.

Храм Аполлона, стоявший на горе, посещал «обманутый народ» — то есть язычники. Прп. Венедикт приказал своим ученикам разобрать этот храм, подтверждая делом начатую им проповедь против язычества, и на этом месте был заложен монастырь с небольшой церковью в честь «начальника и покровителя монашества» свт. Иоанна Крестителя, а также часовней, посвященной свт. Мартину Турскому.

В 530–540 гг. Бенедикт написал устав монастыря, опираясь на предписания блаж. Иеронима, блаж. Августина, прп. Пахомия и на правила св. Василия Великого и Кассиана (постоянное пребывание в монастыре, повиновение избранному наместнику, общность имущества).

Все эти светы были, в свой черед,
Мужи, чьи взоры созерцали Бога,
А дух рождал священный цвет и плод³⁴.

В обители Монтекассино гармонично сочетались христианские традиции Запада и Востока, что и отражено в дантовских строках:

---

³³ Данте А. Божественная комедия. Рай. Песнь 22 // Данте А. Новая жизнь. Божественная комедия. М. 1967. С. 470.

³⁴ Там же.

Макарий здесь, здесь Ромоальд, здесь много
Моих собратий, чей в монастырях
Был замкнут шаг и сердце было строго³⁵.

Здесь Данте ставит рядом имена Макария Александрийского (отшельник IV в.) и Ромоальда дельи Онести (ум. в 1027 г.) — основателя монашеского ордена камальдулов. При жизни св. Бенедикта в Монтекассино были заложены храмы св. Михаила и Иоанна.

Грозой Европы в ту эпоху был предводитель готов Тотила (541–552). Он овладел Римом, на протяжении многих лет вел войну с полководцами императора Юстиниана, присланными из Константинополя. Во время одного из своих походов, в 542 г., Тотила посетил монастырь Монтекассино, где беседовал со св. Бенедиктом, который предсказал ему, что он захватит Рим и будет властвовать в Италии 9 лет, а на 10-м г. своего правления погибнет.

Единственным источником сведений о жизни Бенедикта Нурсийского является Книга «Диалогов» папы римского Григория I Великого (590–604), которая была написана примерно в 593–594 гг., полвека спустя после смерти святого. В ней есть известный эпизод из жизни Бенедикта Нурсийского. Он наставляет готского короля Тотилу, властвовавшего тогда над большей частью Италии, такими словами: «Ты совершаешь ужасные злодеяния, ты натворил много дурного. Положи конец своей жестокости!» Этот призыв к миру и справедливости, мужественно брошенный монахом в лицо одному из сильных мира сего, выступает здесь символом превосходства слова над языком оружия.

Сначала монахи Монтекассино жили в старой башне полуразрушенной крепости, но со временем были воздвигнуты монастырские постройки, обнесенные высокими стенами. С самого начала своего существования монастырь стал естественным центром, привлекавшим к себе многочисленных паломников, а впоследствии «монастырь этот, известный позднее под именем аббатства Монтекассино, стал метрополией всех бенедиктинских монастырей Запада, — пишет Ф. Грегоровиус. — Это был единственный маяк, изливавший во мраке средних веков свой благословенный свет просвещения»³⁶.

Но монастырь Монтекассино был не только религиозным центром; его высокие стены в то беспокойное время были надежной защитой от многочисленных

---

³⁵Там же.

³⁶Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. Т. II. СПб., 1903. С. 19.

нашествий варваров. Еще при жизни прп. Венедикта неподалеку от Монтекассино возник второй монастырь — Террачина³⁷.

В Монтекассино прп. Венедикт в 530–540 гг. написал свой знаменитый Устав, имеющий большое значение в истории западного монашества. Там же он и скончался в 543 г.; память его кончины отмечается Православной Церковью 14 марта (ст. ст.). Вскоре после кончины прп. Венедикта один из насельников монастыря, по имени Марк, сочинил 33 двустихия — похвалу основателю ордена.

Устав прп. Венедикта

Устав, написанный прп. Венедиктом в 530–540 гг., часто издававшийся и подвергавшийся толкованиям³⁸, является его единственным дошедшим до нас творением. Прп. Венедикт создавал свой Устав на основе уже существовавших в его время монашеских правил прп. Пахомия, прп. Иоанна Кассиана и свт. Василия Великого. Но западное монашество имело по сравнению с восточным менее пассивный и созерцательный характер. Эта характерная черта рельефно отражена в Уставе прп. Венедикта, и именно это обеспечило ему быстрое распространение по всей Европе. «Из монастыря Монтекассино бенедиктинский устав с необычайной быстротой распространяется по христианскому Западу; он воспитывал из века в век дисциплинированную армию монахов, способную корчевать пни и распахивать целину в необжитых местах, поддерживать в правильном состоянии раз налаженное хозяйство, систематической пропагандой обращать в новую веру языческое население, — пишет С.С. Аверинцев. — Эта равномерная, бесперебойная, согласованная работа многих людей, каждый из которых приносил свою личную своеобразность в жертву сверхличному распорядку, во многом заложила основы средневекового духовного строя»³⁹.

Нормы ведения духовной жизни и чувствования, благодаря прп. Венедикту вошедшие в устав, умеренны и уравновешенны. Венедикт добился гармонии между ручным, интеллектуальным трудом и собственно богослужебной деятельностью в монастырской жизни. Таким образом, он указал бене-

---

³⁷ Григорий Двоеслов, свт. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858. С. 123.

³⁸ Новейшее и наиболее авторитетное издание Устава прп. Венедикта в семи томах с обстоятельными комментариями исследователей-бенедиктинцев находится в Sources Chretiennes, № 181–187 (Vogue de A., Neufville J. La regie de Saint Benoit. Vv. I–VII. Paris, 1971–1977).

³⁹ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 41.

диктинскому монашеству, история которого отмечена блестящими успехами в VI–XI вв., путь соединения хозяйственной деятельности с интеллектуально-художественной активностью и духовной аскезой. После него монастыри стали центрами аграрного производства, мастерскими по изготовлению и иллюминации рукописей и яркими очагами религиозной жизни⁴⁰.

Устав предписывал простоту, но не впадал в крайности, когда дело касалось самоотрешения или одеяния. «Если случится, – гласит Устав, – что брату предпишут тяжкие или невыполнимые обязанности, то пусть он примет их со всей кротостью и смирением. Однако если он сочтет, что тяжесть их превосходит его возможности, то пусть объяснит это старшему, но сделает это при удобном случае и со смирением, не проявляя ни гордыни, ни возмущения, ни упрямства». «Пусть поступают согласно словам: ”И каждому давалось, в чем кто имел нужду” (Деян 4:35). Мы не хотим этим сказать, что следует действовать лицепрятно, ибо это не угодно Богу, но нужно принимать во внимание человеческие нужды. Нуждающиеся в меньшей мере пусть возблагодарят Господа и не сокрушаются, а сильнее нуждающиеся пусть смиряются со своей слабостью и не гордятся проявляемым к ним милосердием. Таким образом, все члены тела обретут мир». Особенно настоятельно он предписывает проявлять «скромность, которая является матерью добродетелей». Так античная *temperitas* (умеренность) получила у прп. Венедикта христианское звучание. И все это было сказано в VI в. Если представить себе весь разгул насилия в те еще дикие времена Средневековья, то склоняешься к мысли, что наставления прп. Венедикта никем не были услышаны, но стоит, однако, задаться вопросом, до каких крайностей могли бы прийти люди той эпохи, если бы не прозвучал этот великий умиротворяющий голос⁴¹.

Монастырь св. Бенедикта и его устав выражали дух новых, начинавших мирную жизнь народов, среди которых Церковь теперь могла начать свою пастырскую работу. Вся жизнь монахов — *ora et labora* (молись и трудись) — Бенедикт организовал вокруг богослужения. К обычным монашеским обетам он присоединил еще и обязательство не менять монастырь (*stabilitas loci*). Хотя монахи и участвуют в управлении, весь общежительный распорядок зиждется на отцовской власти (*paternitas*) наместника. От монахов, помимо молитвы, также требовался и физический труд. Однако устав оставлял место и для интеллектуальной деятельности. Отечественный историк Е.В. Тарле дал высокую оценку

---

⁴⁰ *Ле Гофф Ж*. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 114.

⁴¹ Там же. С. 114–115.

монастырю Монтекассино как духовному центру конгрегации бенедиктинских обителей.

«Монтекассино дал определенный устав всем этим новооснованным монастырям; характерная черта этого устава — подробнейшее, самое детальное, какое можно только представить себе, распределение дневных занятий для монастырской братии и по обыкновенным дням, и по праздникам, и по временам года. Полный отказ от своей воли, избавление от думы о том, что нужно делать, чего не нужно, возможность обрести полный мир душевный без всякого напряжения и колебания мысли, строго придерживаясь устава — вот что проникает все мысли устава бенедиктинцев (как стали называться последователи святого). Всякий вступающий в монастырь должен отказаться от всего своего имущества либо в пользу родных, либо в пользу бедных, либо в пользу монастыря. Обет послушания был суров и безусловен; аббат мог приказать монаху решительно, что угодно, но выбор аббата зависел от братии. Таковы были правила Венедикта, вскоре распространившиеся в Европе, снискавшие всему монастырскому движению необыкновенный почет в народе, давшие, наконец, ордену громадные земельные имущества, которые отписывали в его пользу лица, поступавшие в него, или благочестивые миряне»⁴².

Благодаря принципу обязательности физического труда монашество имело большое значение в истории Средних веков. Этот труд приносил культуру в окрестности монастыря. Культура неизбежно выходила за пределы чисто хозяйственной сферы жизни, она влияла и на умственное, и на политическое развитие среды. «Божие дело», молитва, труд — эта иерархия ценностей устава Бенедикта Нурсийского легла в основу идеологии средневекового христианства. Благочестивое чтение считалось путем к совершенству. Четко регламентированный и лишенный аскетических крайностей устав св. Бенедикта способствовал широкому распространению бенедиктинских монастырей, которые сыграли значительную цивилизаторскую роль в Европе.

Прп. Венедикт написал свой Устав в 530–540 гг., а в 543 г. (год его кончины) этот Устав был уже широко известен во всей Европе. Распространению Устава особенно способствовал святой Григорий Двоеслов, папа Римский (590–604), который в Риме познакомился с бенедиктинцами, бежавшими из разрушенного Монтекассино в 581 г. Впоследствии он вводил Устав прп. Венедикта в тех монастырях, которые основывал. Особенно усилилось почитание прп.

---

⁴²Тарле Е.В. История Италии в средние века. СПб., 1906. С. 34.

Венедикта после того, как в 593–594 гг. святой Григорий написал «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души», кратко называемые «Диалоги». «Ко времени деятельности Григория I латинский житийный жанр имеет уже определенные традиции, которые окончательно оформляются в его творчестве, — пишет И.Н. Голенищев-Кутузов. — «Диалоги о жизни италийских отцов и о бессмертии души» становятся популярнейшей в средние века книгой»⁴³.

В этих «Диалогах», состоящих из четырех книг, святой Григорий рассказывает диакону Петру о чудесных событиях, связанных с жизнью великих христианских подвижников. Вторая книга «Диалогов» полностью посвящена деяниям прп. Венедикта. «Он написал для монахов правила, отличающиеся определенностью и изяществом речи, — сообщает св. Григорий Двоеслов. — Если кто хочет подробнее узнать его обычаи и жизнь, может в этом начертании правил найти все способы его учительства, потому что святой муж никак не мог учить иначе, нежели как сам жил»⁴⁴.

Немногие книги имели такую популярность как «Диалоги». В списках и переводах они расходились на Западе. В VIII в. появился даже арабский перевод. Еще позднее английский король Альфред перевел «Диалоги» на саксонский язык. На Востоке «Диалоги» получили большое распространение в VIII в. после того, как Римский папа Захария I (741–752), грек по национальности, перевел эту книгу на греческий язык. Основное творение св. Бенедикта, его *Regula* (Правила) на Западе одержали победу над всеми другими уставами и монастырскими обычаями и до XIII в. оставались единственным руководством для монастырей.

Монтекассино в VI–VIII вв. Павел Диакон (725–799)

Дальнейшая судьба монастыря Монтекассино была тяжелой. Вторжение лангобардов в 568 г. фактически разрушало все виды монашеской жизни в Италии. «Везде были видны лишь разрушенные города, разграбленные храмы, убитые епископы и клирики, истребленное население»⁴⁵, — писал в XIX в. французский историк Ш.Ф. Монталамбер. Около 581 года Монтекассино был разрушен; монахам удалось спасти оригинал Устава прп. Венедикта и бежать в Рим⁴⁶. Папа Пелагий II (579–590) отвел им место недалеко от Латеранской базилики, где они

⁴³ Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 138–139.

⁴⁴ Григорий Двоеслов, свт. Собеседования о жизни италийских отцов... С. 148.

⁴⁵ Anastase. Liber Pontif. P. 32. Цит. по: Montalembert C.R. Op. cit. P. 92.

⁴⁶ Benedictines // New Catholic Encyclopedia. Vol. II. New York, 2003. P. 267.

и основали первый в Риме бенедиктинский монастырь, посвященный свт. Иоанну Крестителю. Что же касается монастыря Монтекассино, то он в течение 140 лет лежал в развалинах и был восстановлен лишь в 717 г. папой Григорием II (715–731). Подобная участь постигла и бенедиктинскую обитель в Субиако: в 601 г. она была разрушена лангобардами и восстановлена также в начале VIII в.

Постепенно завоеватели приобщались к христианству, и, как отмечал Ф. Грегоровиус, «став ортодоксальными католиками, лангобардские государи и епископы сделались самыми ревностными поборниками римского культа. Они строили церкви и монастыри, где лангобардские монахи отдавались изучению наук»⁴⁷.

Наглядным примером тому служит судьба лангобарда Варнефрида, который уже в пожилом возрасте принял монашество и поселился в Монтекассино. Известный под именем Павла Диакона (ок. 725–799), он изложил в стихотворной форме житие прп. Венедикта⁴⁸, а также явился первым комментатором его Устава.

Павел Варнефрид Диакон происходил из древней и знатной лангобардской семьи, родился он около 725 г. в Фриуле. Прозвище «Диакон» он получил, по-видимому, по своему духовному сану. Предполагают, что он был близок к королевскому дому и обучался при дворе короля Ратхиса в Павии, где получил превосходное классическое образование. В дальнейшем он был придворным писателем короля Дезидерия и учителем его дочери. По ее просьбе он написал в 774 г. «Римскую историю», сочинение компилятивного характера, продолжавшее Евтропия в христианском духе до Юстиниана. После подавления фриульского восстания лангобардов в 776 г., когда Карл Великий за участие в восстании увез в Галлию как заложника брата Павла Арихиса, Павел удалился в монастырь Монтекассино. В 782 г., во время пребывания Карла в Италии, Павел обратился к нему с просьбой в форме элегии об освобождении брата. Карл заинтересовался Павлом, уже тогда завоевавшим репутацию ученойшего человека, писателя и поэта, и пригласил его в Галлию. Здесь в придворной «академии» Павел продолжал литературные занятия (писал церковные гимны, стихотворные послания, акrostихи, эпитафии) и стал одним из самых авторитетных ее членов⁴⁹. По поручению императора Карла Великого он собрал и исправил

---

⁴⁷ Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. Т. II. СПб., 1903. С. 164.

⁴⁸ Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. С. 156.

⁴⁹ Кузнецова Т.И. Павел Диакон // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М. 1970. С. 243.

тексты церковных песнопений, которые до сих пор употребляются в Римско-Католической Церкви.

Через 5 лет, в 787 г., Павел получил, наконец, возможность вернуться в монастырь Монтекассино, где он прожил последние годы своей жизни, умер и похоронен (около 799 года). В монастыре он и написал свое лучшее произведение, задуманное, по-видимому, еще в Галлии, «Историю лангобардов в 6 книгах» («*De gestis Longobardorum libri VI*»). При написании этого труда Павел использовал сочинения Беды, Аврелия Виктора, Иордана, Венанция Фортуната, Плиния Старшего, Григория Турского, Оригена, Исидора Севильского, Григория Великого. Многие он заимствовал из сочинения по истории лангобардов Секунда Тридентского (ум. в 612 г.), не сохранившегося до настоящего времени. Кроме того, источниками Павла были Беневентские и Сполетские анналы и «*Liber pontificalis*». В «Истории лангобардов» широко использована и устная традиция: исторические народные сказания, родовые предания, героические песни. При этом для ранних периодов истории более широко использована устная традиция, а для поздних — письменные источники и свидетельства очевидцев событий.

Историю своего народа Павел начинает с древнейших времен, с момента передвижения лангобардов из Скандинавии в Италию в 568 г. и доводит ее до смерти короля Лиутпранда, то есть до 744 г., охватывая период почти в два столетия. В труде нет лишь последнего периода истории лангобардов (правлений Ратхиса, Айстульфа, Дезидерия), когда была утрачена политическая независимость этого народа, периода, о котором Павел мог бы писать уже по собственным воспоминаниям.

«История лангобардов» пользовалась большой популярностью в средние века. Первое издание «*Historia Langobardorum*» вышло в Париже в 1514 г.: всего более 10 изданий). Об этом свидетельствуют и 114 ее рукописей (IX–XVI вв.), несколько переработок и продолжений, более 15 извлечений из нее. Она представляет несомненный историко-литературный интерес, в качестве единственного источника для ознакомления с историей лангобардов, и как образец историографии VIII столетия⁵⁰. Кроме писем, поэтических и чисто богословских сочинений Павлу Диякону принадлежат: «*Historia Romana*» и «*Gesta episcoporum Mettensium*».

В Монтекассино сформировалась школа, ставшая важным очагом умственного труда (*schola claustralis*), и сложилась богатейшая библиотека, попол-

---

⁵⁰Там же. С. 243–244.

нявшаяся не только церковной, христианской литературой, но и сочинениями античных писателей. С VIII в. Монтекассино становится центром латино-лангобардского духовного просвещения и приобретает известность во всей Западной Европе; «даже способный военачальник, майордом Карломан, сделался монахом в монастыре Монтекассино, вследствие, как говорили, раскаяния в кровопролитии, учиненном им в 746 г. над восставшими алеманами»⁵¹.

Монтекассино в IX–XI вв. Аббат Дезидерий (1027–1087)

В 884 г. монастырь разрушили сарацины; в сер. X в. Монтекассино снова подвергся набегам сарацин и был сожжен ими. Сразу же после этого события сельники монастыря предприняли меры, чтобы возродить свое хозяйство, и, как повествует монастырская хроника, наместник Монтекассино, «вскоре призвав из соседних, не опустошенных сарацинами земель во владения этого монастыря, нуждавшегося в земледельцах, крестьян, поселил их там с семьями. Он заключил как с теми, кого он застал там, так и с теми, которых он собрал, либеллярное соглашение (на условии), что они ежегодно будут давать монастырю <...> седьмую часть (урожая) пшеницы, ячменя и проса, с вина же — третью часть»⁵².

В конце X – начале XI вв. на землях, прилегавших к монастырю, было сооружено большое число крепостей с тем, чтобы обезопасить обитель от дальнейших набегов сарацин. С XI в. у монастыря появляется собственное кораблестроение; «выход к морю открыла аббатству Монтекассино подаренная ему в 1066 г. крепость Торре-ад-Маре (у впадения реки Гарильяно в море). Аббатство завязало оживленную торговлю с рядом портов Тирренского моря и с Востоком»⁵³. Монастырь Монтекассино освобождался от уплаты торговых пошлин. Все эти события значительно укрепили центр бенедиктинской конгрегации, что обусловило дальнейший рост ее влияния в странах Европы.

Однако юг Италии и в это время нередко служил ареной военных действий; поэтому бок о бок с деревнями (*casales, loci, vici*) здесь в большом количестве строились для защиты населения крепости (*castella*), которые представляли собой по существу деревни, окруженные стенами. Так, монастырь Монтекассино в некоторых письменных соглашениях, заключенных с пришлыми крестьянами, обязывал их построить крепость или осеть в уже возведенном укреплении.

---

⁵¹Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С. 167.

⁵²Chronicon Cassinense. II. 3. Цит. по: История Италии. Т. I. М. 1970. С. 148.

⁵³Там же. С. 168.

Монтекассино поселял в X в. крестьян в основанных аббатством крепостях (Сан Анджело в Тодиче, Сан Элиа и др.).

Но это не спасло Монтекассино от тяжелых испытаний: в 1046 г. обитель разорили норманны. В середине XI в., после нападения норманнов, деревенским жителям, зависимым от Монтекассино, было предписано обнести свои селения стенами, и в начале XII в. их опять обязали переселяться в заново укрепленные *castella*. Такие укрепления возводились в X–XI вв. не только в Кампании (где их было больше всего), но и в других областях Южной Италии⁵⁴.

Южная Италия, дотоле поделенная между лангобардами и греками, во второй половине XI в. была быстро завоевана норманнами: в 1030–1047 гг. они захватили Беневент и северную Апулию, а потом перешли в наступление против греков на юге и арабов в Сицилии. Папский престол, почувствовав, что на месте разрозненных и буйных лангобардских княжеств к югу от Рима утверждается крепкая и прочная норманнская власть, стал склонять ее к союзу. Монтекассинский монастырь, оказавшийся в самом центре новых норманнских владений, стал как бы аванпостом Рима в этой борьбе за патронат над норманнами. Чтобы поразить воображение северных пришельцев величием и блеском, папа Григорий VII помог заново отстроить Монтекассино; для новой базилики мрамор был привезен из Рима, бронзовые двери — из Византии, над мозаиками работали греческие мастера. Освящение базилики произошло в 1071 г.; руководителем работ был энергичный монтекассинский аббат Дезидерий (1058–1087).

При аббате Дезидерии в 1068 г. были обретены мощи прп. Венедикта⁵⁵, место захоронения которого было утрачено из памяти поколений насельников в период многочисленных разрушительных нашествий варваров. Сам Дезидерий написал труд о деяниях основателя Монтекассино — прп. Венедикта. (В 1086 г. Дезидерий был избран папой и принял имя Виктора III (1086–1087). В это время монастырь достиг своего расцвета: были воздвигнуты новые корпуса, собрана богатая коллекция древних рукописей.

Стихотворный панегирик во славу аббатства, базилики и новой постройки написал лучший друг Дезидерия, Альфан Салернский⁵⁶. А известный церковный деятель и поэт Петр Дамиани (1007–1072) написал «Гимн св. Бенедикту»:

---

⁵⁴Россия и Италия. М. 1972. С. 309.

⁵⁵См.: *Benedictines*. P. 272.

⁵⁶*Гаспаров М.Л.* Альфан Салернский // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 197.

Многосветлый перл Властодержца вышних,
Образ чистоты и зеркало братий,
От немирного, Бенедикте, мира
Ум возведи наш.

Дольний прах презрев, воспаряя к звездам,
Ты понудил к вере тебя родивших;
Ты ж сосуд разбитый, призвавши Бога,
Целым содеял.

В малом теле многую мощь являя,
Ты несешь труды, побеждаешь старость,
Всей душой ревнуешь о строгом долге
Жизни уставной.

Отрока, что был погребен обвалом,
Ты, возвысив глас, воскресил молитвой,
Чувства во плоти, как и плоть во здравье
Восстанавливая.

В образе святом голубицы мирной
Сестрину ты зреть удостоен душу,
Возлетевшую до верховных высей
Звездного круга.

Так и сам, победу стяжав над миром
И окончив брань, ты восходишь к небу,
По стезе, горящей огнем созвездий
Шествуя дивно.

Песню величим Отца и Сына;
Равная Им честь, и одно хваленье,
С Ними же и Духу, что круг вселенной
Весь исполняет⁵⁷.

Новый расцвет Монтекассино начинается при Дезидерии; тогда установилась и слава монастырского скриптория. В лангобардскую эпоху началось формирование итальянского языка из разговорных латинских диалектов.

«От X–XII вв. сохранились документы юридического характера, написанные на неправильной, сбивчивой латыни, приближающейся к народной речи. В эту «вульгаризованную» латынь вставлялись итальянские фразы. Нотариальные записи, судебные постановления должны были дословно передавать свидетельские показания людей, не знавших ученого языка и

---

⁵⁷Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 192–193.

разве что приблизительно понимавших вульгаризованную латынь администраторов и людей церкви. Споры и соглашения касались главным образом земельных угодий; иногда дело шло о дарственных записях в пользу Церкви или родственникам. Наибольшее число таких двуязычных документов, нарушавших нередко нормы латинской грамматики и пользовавшихся народной лексикой, находятся в архивах аббатства Монтекассино. Самый старый из дошедших до нас документов (из Абрुцци) датируется 819 годом. Следующие находим в хранилищах Монтекассино лишь через полтора столетия: Капуанский 960 года и из Беневента и Теано 963 года»⁵⁸.

История первого, дошедшего до наших дней, документа на итальянском языке также связана с Монтекассино. Это краткая свидетельская формула при тяжбе Монтекассинского монастыря с местным феодалом Родельгрино Аквинским. В документе, составленном в 960 г. на неправильной, вульгаризованной латыни, писец зафиксировал одну из фраз на разговорном итальянском диалекте: «Sao ko kelle terre, per kelle fini que ki contene, trenta anni le possette parte sancti Benedicti» — «мне ведомо, что эти земли, в означенных здесь границах, вот уже тридцать лет принадлежат отцам бенедиктинцам» — так выглядит фраза, с которой начинается достоверная история языка Ф. Петрарки⁵⁹.

Монтекассино явился могучим источником веры и знаний во всей Европе. Среди иноков Монтекассино прославились богословы, писатели, хронисты, поэты. Позднее там возник крупный центр книгопечатания. Южная Италия в XI–XII вв. создает литературу исторического содержания, стремящуюся охватить местные события. Во времена аббата Дезидерия, происходившего из лангобардской герцогской семьи Беневента, аббатство Монтекассино достигает значительного культурного расцвета и становится одним из главных центров исторических штудий в Италии. Дезидерий был активным участником политических событий своего времени, противником императорской гегемонии. В 1087 г. он стал папой под именем Виктора III, но вскоре умер. Дезидерий воздвиг на территории аббатства много новых зданий, собрал большую коллекцию старых рукописей, заботился о монастырском скриптории. Константин из Африки (Константин Афр), нашедший убежище в Монтекассино, переводил здесь медицинские книги с арабского на латынь, монах Амаций написал по-гречески «Историю норманнов», и вместе с Лео из Остии — хроника монастыря. В следующем столетии эту хронику продолжил Петр Диакон⁶⁰.

⁵⁸ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. С. 191.

⁵⁹ Цит. по: *История Италии*. Т. I. М., 1970. С. 266.

⁶⁰ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Там же.

Сам Дезидерий писал о чудесах основателя Монтекассино — св. Бенедикта. Вот краткий рассказ об одном из таких чудес.

«Великий голод свирепствовал во всей Кампаньи, когда однажды в монастыре свт. Бенедикта братья обнаружили, что у них осталось лишь пять хлебов. Но святой Бенедикт, видя, как они удручены, мягко упрекнул их за малодушие, после чего сказал в утешение: «Как можете вы пребывать в горести из-за столь ничтожной вещи? Да, сегодня хлеба недостает, но ничто не доказывает, что завтра вы не будете иметь его в изобилии». И действительно, на завтра у дверей кельи святого нашли двести мешков муки. Но и поныне никто не знает, кого послал для этого Господь»⁶¹.

Заметно влияние на Дезидерия Вергилия и поэтов IV–V вв. Житиями святых в стихах и прозе известен также другой монах из Монтекассино — Альберик (Albericus de Monte Cassino). Он выступал на соборах и церковных съездах как защитник папы Григория VII. Из наследия Альберика наиболее примечателен трактат по теории литературы, метрике и эпистолографии. Советы Альберика о том, как следует писать письма, перешли к магистрам риторики XIII в. и в ренессансную литературу. Он приводит примеры «стилистического совершенства» из Цицерона, Теренция, Вергилия, Горация, Лукана и Саллюстия⁶².

Монтекассино и Византия

Велика была роль Монтекассинского аббатства в поддержании литературных связей с Византией. Из многочисленных переводов с греческого, принятых в XI в. в Южной Италии, немалая часть принадлежит монахам аббатства, которым нередко случалось посещать Константинополь с различными дипломатическими миссиями и по церковным делам. Аббатство поддерживало также весьма оживленные сношения со своими соседями — калабрийскими православными монастырями, которые являлись проводниками греческого влияния. По-видимому, в этой среде был сделан перевод на латинский греческого мученика IX в. неким монахом Герольдом, посвятившим свой труд папе Виктору III — бывшему монтекассинскому настоятелю. Одним из героев этого сочинения был основатель Вивария Кассиодор⁶³.

Центральный памятник романской живописи на юге Италии — фрески церкви Сант Анжело ин Формис близ Капуи (между 1072 и 1087 гг.), возникно-

---

⁶¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 216.

⁶² Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. С. 178.

⁶³ Там же. С. 178–179.

вание которых связано с деятельностью аббата монастыря Монтекассино Дезидерия — поклонника византийской культуры. В церкви сохранилась большая часть живописного ансамбля. Он содержит ветхозаветные и евангельские сцены на стенах нефа, Христа во славе с символами евангелистов в апсиде и Страшный суд на западной стене. Живописцы переработали византийские образцы в романском духе: росписи стали экспрессивнее и тяжелее по формам, иконография дополнилась западными элементами эсхатологического плана.

По количеству сохранившихся фресок XI–XII вв. Италия превосходит все другие страны Европы. Гораздо сильнее, чем в скульптуре, в живописи сказывается воздействие византийского искусства, переплетающееся с влиянием раннехристианской традиции. Обилие дошедших до нас памятников позволяет составить представление о многообразии живописных школ, из которых самыми значительными были школы Рима и монастырей юга во главе с аббатством Монтекассино⁶⁴.

Монтекассино и итальянские гуманисты

С течением времени монастырь Монтекассино разбогател землями и стал украшаться произведениями искусства. Императоры поддерживали монастырь привилегиями и пожалованиями. Германский император Фридрих II (1194–1250, с 1220 г. — император) приглашал ученых насельников Монтекассино в качестве профессоров Неаполитанского университета. Профессор Московского университета С.П. Шевырев в 1831 г. восторженно отзывался о старинной обители и о прп. Венедикте: «Он основал знаменитый монастырь Sul monte Cassino (529), из коего вышел 41 папа и 3600 святых. В Венедиктинских монастырях отыскиались все рукописи древние (Гомер, Аристотель, Вергилий, Тацит, Геродот, Тит Ливий, Платон)»⁶⁵.

В эпоху раннего Возрождения рукописные сокровища Монтекассино стали привлекать внимание итальянских гуманистов. Одним из них был Джованни Бокаччо (1313–1375). Деятельность Дж. Боккаччо на ниве гуманизма претерпела серьезнейшее испытание. Потрясенный посланием, полученным в 1362 г. от умирающего монаха, Дж. Боккаччо был уже готов сам постричься в монахи, отказать от всех своих занятий, сжечь свои собственные произведения и раздать свою библиотеку. Петрарка настойчиво убеждал Дж. Боккаччо искать утешения в служении древним текстам. Призыв был услышан, и с тех пор Дж. Боккаччо

---

⁶⁴Нессельштраус Ц.Г. Искусство Западной Европы в средние века. М. 1964. С. 228.

⁶⁵Шевырев С.П. Итальянские впечатления. С. 271.

с еще большим рвением посвятил себя классике, оставив, однако, итальянскую поэзию и свои рискованные новеллы.

В 1363 г. он удалился в Чертальдо, маленький тосканский городок, в котором родился его отец и который он наряду с Флоренцией считал своим родным домом. Хотя ему едва минуло пятьдесят, он, казалось, покорился преждевременной старости, ограничивая себя в радостях плоти и засиживаясь допоздна за работой.

В 1370 г. он принял предложение Ф. Петрарки посетить Неаполь и остался там до 1371 г. Именно во время этой поездки он сделал свои самые замечательные открытия. Это произошло в монастыре Монтекассино. Здание его аббатства многократно перестраивалось после опустошительных набегов варваров-завоевателей и природных катаклизмов⁶⁶. В 1349 г. землетрясение разрушило собор и стены монастыря, и потребовались большие усилия, чтобы — при поддержке папы Урбана V (1362–1370), бенедиктинца, — восстановить обитель из развалин.

По дороге в Неаполь Дж. Боккаччо остановился в монастыре. Когда он, наконец, добрался до массивных, хотя частично разрушенных строений, то, прежде всего, заинтересовался библиотекой. Желая увидеть собрание, которое, как он предполагал, должно было быть богатым по составу, Дж. Боккаччо попросил монаха открыть для него библиотеку. Монах ответил, указывая на крутую лестницу: «Взойдите, она открыта». Дж. Боккаччо поспешил наверх; там он обнаружил, что место, хранящее столь великие сокровища, не имеет ни ключа, ни дверей. Он вошел и увидел траву, выбивавшуюся из щелей в подоконнике, книги и лавки, покрытые толстым слоем пыли. С удивлением он начал открывать и переворачивать страницы сначала одного тома, затем другого и обнаружил много разных томов древних и иноземных произведений. В некоторых из них не хватало нескольких листов; другие были сплошь изрезаны и изуродованы. Наконец, он с грустью вышел из библиотеки. Вернувшись в монастырь, он спросил встретившегося ему монаха, почему эти ценнейшие книги так безжалостно изуродованы. Тот ответил, что монахи, желая заработать несколько сольди, взяли в обычай отрывать несколько листов и делать из них псалтыри, которые они потом продавали мальчишкам. Поля они превращали в амулеты и продавали женщинам⁶⁷.

---

⁶⁶ Дойель Л. Завещанное временем. М. 1980. С. 59–60.

⁶⁷ Там же. С. 61–62.

В ходе поисков в монастырской библиотеке Дж. Боккаччо обнаружил один из самых выдающихся манускриптов, открытых в эпоху Возрождения, — рукопись основных частей «Анналов» (книги XI–XVI) и «Истории» (книги I–V) Тацита. В новое время никто до Дж. Боккаччо не знал об этом главе римских историков, важнейшем источнике наших знаний о Римской империи от Тиберия до Нерона. Этот список был сделан в Монтекассино предположительно в XI в. так называемым беневентинским, или южно-итальянским, минускульным письмом. В настоящее время эта рукопись хранится в Лоренцианской библиотеке Флоренции⁶⁸.

Интерес итальянских гуманистов к рукописным сокровищам Монтекассино не ослабевал; в 1407 г. эту обитель посетил с научными целями Поджо Браччолини. Поджо Браччолини (1380–1459), сын бедняка из маленького городка Террануова, близ Ареццо, воплотил в себе наиболее характерные черты знатока древних рукописей. Едва вступив в третье десятилетие своей жизни, он уже занял выдающееся положение в папской курии, отличившись при составлении папских посланий. В 1414 г. он стал папским секретарем и почти полвека служил Риму. Когда ему перевалило за семьдесят, он был назначен на пост канцлера Флоренции. Его репутация неуклонно росла, и он стал одним самых плодовитых литераторов своего века. Он писал на еще более изысканной латыни, чем даже Петрарка. В греческом он превзошел Дж. Боккаччо и сделал ряд переводов с этого языка.

Поджо добился признания как охотник за манускриптами во время своего посещения Монтекассино в 1407 г. Здесь он обнаружил фрагмент из Ливия, *ex vetustissima scriptura* (из очень древнего текста)⁶⁹. Ливий и Монтекассино знаменуют собой начало и конец деятельности Поджо на ниве поисков, так как его последняя поездка за рукописями вновь привела его в этот древний монастырь. В 1424 г. Поджо Браччолини обнаружил в Монтекассино «Апологию» Тертуллиана и его полемические сочинения.

Монтекассино в XIV–XIX вв.

Политические распри XIV–XV вв. остановили дальнейшее развитие благосостояния Монтекассино, но и в эпоху Ренессанса там не заглохло просвещение; среди монахов явился даже защитник учения Галилея (аббат Бенедикт

⁶⁸Там же. С. 63.

⁶⁹Там же. С. 68–69.. *Тит Ливий (Titus Livius)* — римский историк (род. в 59 г. до Р.Х., сконч. в 17 г. по Р.Х.), автор сочинения по истории Рима от основания города до 9 г. до Р.Х. (*Titi Livii ab urbe condita libri*).

Кастелли). Аббат Скуарциалупи вновь обогатил монастырь художественными памятниками при посредстве флорентийских мастеров. Монастырь вырос в обширную обитель и явился могучим источником веры и знаний по всей Европе. Среди иноков Монтекассино прославились целые ряды учителей и писателей, богословов, хронистов, поэтов, грамматиков, даже ученых натуралистов. Там возник и крупный центр производства книг, роскошных изданий. В течение ряда лет, до 1507 г. аббатом Монтекассино был будущий папа Римский Лев X (Джованни Медичи, 1513–1521). В XVI–XVII вв. основные сооружения Монтекассино были перестроены. Центр бенедиктинского ордена переживал не только взлеты, но и периоды упадка, как, например, в середине XIX в. когда, по свидетельству паломников, в Монтекассино насчитывалось всего лишь 20 иноков⁷⁰. В 1845 г. в старинной обители побывал русский паломник Матвей Волков. В его заметках о Монтекассино содержатся ценные сведения о тогдашнем быте и традициях знаменитого монастыря. «Monte-Cassino — знаменитое обиталище монахов, сохранивших знания древнего мира во время нашествия варваров, — пишет Матвей Волков. — Года три тому назад, как на Monte-Cassino дух учения пробудился. Там il padre Toste написал историю Monte-Cassino, думая написать только guida (путеводитель). Там учат теперь еврейскому языку. Учреждена типография в три станка, чего никогда еще не бывало. Цензором сам аббат. Моим чичероне был учитель немецкого языка. К нему присоединился молодой монах благородной наружности, — здесь монахи знатнейших фамилий. Назовите кого-нибудь из них «fга», — обидится: «разве я капуцин какой? я не fга, а don!» Постройки монастыря великолепны и есть несколько, немного, правда, — хороших картин. В кладовой висят эскизы Арпино и портрет Рафаэля, им самим нарисованный карандашом. Еще — Распятие из рыбьей кости, в 1 1/2 фута высотой — шедевр, не ниже того, что в Авиньоне, из слоновой кости. Архив здесь драгоценный, его издавали и до сих пор издают. Превосходен каталог архива тем, что каждому манускрипту сделана оценка, и каждый архивист сделал свои к нему замечания»⁷¹. В 1864 г. Монтекассино посетил известный французский историк Ипполит Тэн. Его описание этой обители представляет большой интерес (Приложение 1), поскольку в годы Второй мировой войны монастырь был разрушен, а в послевоенные годы выстроен, по существу, заново. В 1866 г. Монтекассино был объявлен национальным памятником.

---

⁷⁰См.: Римские письма. Ч. II. СПб., 1847. С. 331.

⁷¹Волков М. Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857. С. 204–205.

Монтекассино: возрождение из руин

В 1930-х гг. архимандрит Иоанн (Шаховской, впоследствии архиепископ Сан-Францисский, США) посвятил небольшое стихотворение прп. Венедикту и основанной им обители:

В высоте, над городом Кассино
Где оливы спят и эвкалипты,
Он построил свой приют орлиный,
Прилетев из дальнего Египта.
И тетрадь любви священных правил
Он оставил в келье закоптелой,
И любовь свою земле оставил,
Как молитву слов и дела.
С этих пор простых монахов рясы
Ввысь текут чредою длинной.
Как весенний этот воздух ясный,
С четырех сторон долины⁷².

Во время Второй мировой войны монастырь Монтекассино оказался в районе боевых действий, и некоторые военачальники союзных войск, ошибочно полагая, что его постройки являются важным опорным пунктом в немецкой «линии Густава», и что в аббатстве скрываются немецкие солдаты, отдали приказ о его штурме. 15 февраля 1944 г. Монтекассино было полностью разрушено бомбардировками англо-американской авиации.

После войны обитель, находящаяся под покровительством прп. Венедикта, снова возродилась из руин, причем большую материальную помощь оказало итальянское правительство; часть средств была собрана самим орденом бенедиктинцев, возглавлявшимся в то время аббатом Ильдельфонсо Реа. При раскопках, проведенных во время восстановительных работ после 1944 г., в монастырском храме был открыт некрополь, и в одной из могил вблизи алтаря была обнаружена гробница, где хранились мощи прп. Венедикта, помещенные туда при их втором обретении в 1659 г. при перестройке собора⁷³.

На полпути к вершине горы, где расположена обитель, устроено большое кладбище погибших польских воинов, участвовавших в высадке союзников в

---

⁷²Иоанн (Шаховской), архиеп. Путь на Север. Берлин, 1938. С. 72.

⁷³Monte Cassino, Archabbey of // New Catholic Encyclopedia. Vol. IX. P. 832.

Италии. Для Польши Монтекассино — не только место паломничества, но и символ боевой славы.

В 1947 г. папа Пий XII усвоил св. Бенедикту титул «Отец Европы». В 1964 г. папа Павел VI провозгласил его «патроном Европы», а в 1980 г. папа Иоанн Павел II дал ему «сопатронов» в лице свв. Кирилла и Мефодия.

Приложение. Описание Монтекассино у И. Тэна⁷⁴

Это главное и самое старое аббатство бенедиктинцев. Оно VI в. и построено на месте храма Аполлона, но землетрясения разрушали его много раз и теперешнее здание XVII в. Из этого центра монашеская жизнь распространилась по всей варварской Европе в самые темные времена средневековья. То, что уцелело от античной цивилизации, хранилось там по дальним углам, под монастырской корой, как хризонида в своем коконе. Монахи копировали манускрипты, между тем как дикари Севера проходили взад и вперед по долинам, видя на скалистой вершине крепкие стены, ограждавшие последнее убежище. Много раз они брали их приступом, а позднее, обратившись, склоняли свою голову в суеверном страхе и приходили лобызать мощи. Один король, история которого нарисована на ограде, оставил здесь свою корону, чтобы надеть монашескую рясу.

Для подъема в монастырь отправляются из Сан-Жермано. Это маленький городок на отроге гор, с сетью каменистых, кривых переулков, с детьми в лохмотьях и блуждающими свиньями. Двери домов открыты: черное крыльцо вырезывается на резкой белизне стен, и домашняя утварь, смутно различаемая сквозь зыбкую тень, мелькает в этих глубинах, усеянных дрожащими бликами света. Направо, поверх необычайного нагромождения рыжих глыб, зубчатая гора поддерживает развалины феодального замка. Налево, на протяжении полутора часов, дорога подымается зигзагами на вершину. Мاستиковое дерево и пучки разных злаков блестят между обломками скал; на каждом шагу снуют ящерицы среди камней. Выше появляются каменные дубы, буксус, дрок, крупный молочайник и вся зимняя растительность, которая может существовать между разбитыми глыбами, на буграх бесплодного камня.

Со свободной стороны открывается армия гор; ничего, кроме гор: это единственные обитатели здешних мест; они заполняют весь пейзаж; сзади них еще другие, и так много цепей. Одна гора, с расщепленной вершиной, выдвигается вперед, как береговой мыс, и ее длинный скелет кажется чудовищной

---

⁷⁴Текст приводится по изданию: *Тэн И.* Путешествие по Италии. Т. 1. М., 1913. С. 77–81.

ящерицей, прилегшей у входа в долину. Такое зрелище оставляет далеко позади себя Колизей, собор св. Петра, все человеческие памятники. Каждая гора имеет свое выражение, подобно лицу одушевленного существа, но выражение непередаваемое, потому что никакая живая форма не отвечает этой минеральной форме. Каждая имеет свою окраску: одна серая и обожженная, точно собор, разрушающийся среди пламени; другие — коричневые, покрытые сетью длинных белых излучин от потоков воды; более далекие — голубые и светлые; крайние — беловатые, в горделивых одеждах туманного сияния; все великолепно испещренные тенями своих соседей и бегущими пятнами облаков; все, при всем своем разнообразии, облагороженные бархатным светом, который их окутывает, и великим куполом неба, которого они достойны своей громадой. Никакая кариатида не сравнится с этими колоссами.

На вершине, на площадке, расположился громадный, четырехугольный монастырь, громоздя этажами свои террасы, в окружении каменных садов, — и семья обнаженных вершин образует хор, центром которого он является. На конце длинной покатой паперти виден двор, окруженный колоннами. Оттуда широкая лестница возносит свои ступени вплоть до другого, более высокого двора, также обнесенного портиками; статуи аббатов, государей и покровителей образуют молчаливое собрание вдоль стен. В глубине открывается церковь. От ее портала — ряды колонн и изгибы арок, которые вырезаются на лазури, а вдалеке, в сияющей дымке вечера, — раскинувшаяся архитектура гор. Камень и небо — нет ничего другого; это рождает желание быть монахом.

Моя комната находится на конце одного из этих огромных коридоров, в которых теряешься... Два окна выходят каждое на различный кругозор гор. Почти нет мебели; посередине, взамен очага, теплится «brasero», под белым пеплом. На стенах висят старые гравюры с Луки Синьорелли — великолепные нагие тела, позирующие, как борцы, в жанре Микельанджело. В другой комнате, между колоннами, старые почерневшие картинки, «Товий и Ангел». Самые мелкие предметы носят печать бывшего величия.

Римские ученые часто приезжали сюда провести два-три месяца в летнюю жару и работать свободно, в прохладе и тишине. Библиотека имеет сорок тысяч томов и некоторое количество грамот. Гостеприимство полнейшее; нет никакой сборной кружки; самое большее, что вы дадите что-нибудь слуге. Орден сохранил свои старые традиции, расположение к науке, либеральный дух. Монахи совсем не заперты в монастыре, не отделены от мира; они могут выходить и путешествовать. Один из них — отец Тости, историк, мыслитель, благоговейный реформатор, но полный современного духа, убежденный, что отныне нужно примирять Церковь с наукой. Они работают, как и прежде, и они учат: из трех-

сот обитателей монастыря двадцать монахов и около ста пятидесяти учеников, которых обучают, начиная с элементарного образования и вплоть до теологии. Вечером, под нами, в ущельях, полных мастикового дерева и дрока, мы слышим, как кричат и бегают мальчишки-семинаристы, и их черные платья, их шляпы с широкими полями мелькают сквозь зелень деревьев.

Мы обедали одни в необъятной трапезной, при свете медной лампы, похожей на помпейские, без стекла; маленький огонек бросал блуждающий свет на плиты пола и на огромный каменный свод; его блеск тонул в нарастающей смутной мгле. Справа огромная фреска Бассано «Умножение хлебов» — целый кусок стены, покрытый теснящимися фигурами, — плавала, как призрак былого, и когда появлялся слуга, приносивший блюда, ее черный очерк, затерянный среди желтых полутеней, казался сам какой-то тенью...

Утро входит через ваше окно без занавесок, и вы пробуждаетесь. Я не думаю, чтобы на свете было много таких прекрасных вещей, как этот час в этом месте. Удивляешься при первом взгляде, найдя там же, где накануне, все это собрание гор. Они более сумрачны, чем вчера; солнце еще не коснулось их; они остаются холодными и суровыми. Но на огромной окружности, которая развертывается у подножия монастыря — в соседних долинах — видишь, как поднимаются и реют сотни облаков; одни белые, как лебеди, другие прозрачные и тающие. Иные зацепились за скалу, как кусок газа; другие плавают в воздухе, подобно туману, клубящемуся над речным потоком. Солнце восходит — и мгновенно его косой луч оживляет глубины. Озаренные облака сплетаются в рой воздушных существ, нежных, пленительно-грациозных; самые отдаленные сияют слабо, как вуаль новобрачной, — и вся эта белизна, все это зыбкое великолепие образуют как бы ангельский хор среди черных стен амфитеатра. Равнина исчезла; видны только горы и облака: старые, неподвижные, сумрачные чудовища — и молодые, легкие, туманные боги, которые летают, капризно меняют свой облик и берут себе одним всю солнечную ласку.

Церковь — семнадцатого столетия — расписана Лукой Джордано и Жозефином. Она отделана, подобно неаполитанскому монастырю, инкрустированными дорогими мраморами, так что пол похож на красивый ковер, а стены на богатые обои. Старая суровость и сила Возрождения здесь исчезли; уже чувствуется влияние придворных и салонных нравов. Архитектура стала созданием светского язычества и обнаруживает дилетантизм декораторов. Купола, аркады, колонны витые, коринфские, всевозможные, изваянные и вызолоченные фигуры, — в ход пущены все ресурсы этого искусства. Сиденья в алтаре отделаны с удивительной законченностью и украшены фигурками и листвой. Живопись покрывает купол, развертывается в главном нефе, заливают капеллы, захватыва-

ет углы, распростирает огромные композиции на портале и на сводах. Колорит ласкает глаз, как бальное платье. Прелестная «Истина» Луки Джордано одета почти только своими белокурыми волосами; другая фигура, «Доброта», говорят, — портрет его жены. Все остальные, столь грациозные «Добродетели» — это улыбающиеся и влюбленные дамы той эпохи, которая, погрязнув в лености и подчинившись деспотизму, думала только о волокитстве и о сонетах. Художник комкает шелк, мнет материи, подвешивает драгоценные камни к нежным ушкам, заставляет сиять золотое ожерелье на свежих атласных плечах, и стремится к блестящему и приятному до того, что его входная фреска — «Освящение церкви», представляет пышную и шумную оперную процессию.

Престол, говорят, работы Микеланджело; его поддерживают две гигантские детские фигуры. Тяжелый золотой посох — работы Челлини. Орган имеет очень сложный и великолепный механизм; двое немцев-монахов изучают в архивах зарытые там сокровища старинной музыки. Здесь есть все: искусство, наука, дивные картины природы. Вот что старый феодальный и религиозный мир создал для мыслящих и одиноких душ — для умов, которые, устрасая суровости жизни, замыкались в созерцание и работу над собой.

Источники и литература

1. *Vogue A. de, Neufville J.* La regie de Saint Benoit. V. I–VII. Paris, 1971–1977.
2. *Benedictines* // *New Catholic Encyclopedia*. Vol. II. New York, 1967.
3. *Monte Cassino, Archabbey of* // *New Catholic Encyclopedia*. Vol. IX. New York, 1967.
4. *Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // *Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М., 1976.
5. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1989.
6. *Баранчеева И.* Искусство помогает искусству // *Литературная газета*. №35. 8–14 сентября 2004.
7. *Волков М.* Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857.
8. *Гаспаров М.Л.* Альфан Салернский // *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* М., 1972.
9. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.

10. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
11. *Грабарь-Пассек М.Е.* Кассиодор // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970.
12. *Грегоровиус Ф.* История города Рима в средние века. Т. II. СПб., 1903.
13. *Григорий Двоеслов, свт.* Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858.
14. *Данте А.* Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1967.
15. *Дойель Л.* Завещанное временем. М., 1980.
16. *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель, 1971.
17. *Иванов В.* Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974.
18. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Путь на Север. Берлин, 1938.
19. История Итали. Т. I. М., 1970.
20. *Кузнецова Т.И.* Павел Диякон // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970.
21. *Ли В.* Италия. М., 1914.
22. *Муратов П.П.* Образы Италии. М., 1994.
23. *Нессельштраус Ц.Г.* Искусство Западной Европы в средние века. М., 1964.
24. *Оцуп Н.* Жизнь и смерть. Стихи. Т. 2. Париж, 1961.
25. Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972.
26. Римские письма. Ч. II. СПб., 1847.
27. Россия и Италия. М., 1972.
28. *Рот Р.* Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. Изд. 2-е. М., 1782.
29. *Тарле Е.В.* История Италии в средние века. СПб., 1906.
30. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995.
31. *Шевырев С.П.* Итальянские впечатления. СПб., 2006.
32. *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907.